

Евгения Хамуляк

Сразу три Зеркала

Евгения Хамуляк
Сразу три Зеркала

«Издательские решения»

Хамуляк Е.

Сразу три Зеркала / Е. Хамуляк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968593-3

Перед вами сразу три «Зеркала» писательницы Евгении Хамуляк. Три повести о волшебных девушках, способных исполнять чужие желания, отражая их, словно зеркала. Вы же любите снегурочек, фей, говорящих щук и царевн-лебедей? Так вот, это все не сказки! Каждый день мы встречаем этих волшебниц и не замечаем, как наши желания превращаются в быль. Но кто они, эти зеркальные волшебницы? Легко ли им живется? И что значит быть «зеркалом» в нашем современном мире? Аделина, Кара, Варя. Ты следующая.

ISBN 978-5-44-968593-3

© Хамуляк Е.

© Издательские решения

Содержание

Приключение Зеркала-1	6
Глава 1. Пробуждение. В этой главе сказка еще не совсем похожа на сказку, но порой жизнь нас подталкивает к чуду	6
Глава 2. Сказка, наконец, открывает свои волшебные двери и девушка узнает, что она зеркало	16
Глава 3. Волшебный город Фея. Сказка возвратилась туда, откуда она началась. И все становится на свои места	36
Глава 4. Неожиданная встреча с прошлым. Глава, в которой Зеркало Возможностей отражается в Зеркале Войны и восстанавливает справедливость	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сразу три Зеркала

Евгения Хамуляк

Иллюстратор Юлия Котлярова

Иллюстратор Ксения Грей

© Евгения Хамуляк, 2019

© Юлия Котлярова, иллюстрации, 2019

© Ксения Грей, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-8593-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается всем смельчакам, не переставшим верить в волшебство

Приключение Зеркала-1

Глава 1. Пробуждение. В этой главе сказка еще не совсем похожа на сказку, но порой жизнь нас подталкивает к чуду

Аделина вышла из школы и уже закружила портфелем в ребяческом радостном порыве, как и все остальные школьники, выпущенные на свободу после душного класса, как вдруг неожиданно вспомнила, что особенной причины для радости не было, так как идти домой означало встретиться с пьяной мачехой, слушать ее оскорбительные слова в ожидании прихода, скорее всего, уже пьяного отца, который вначале бывал добрым, но потом под гнетом всех лживых наговоров ожесточался и тоже впадал в ярость, заканчивающуюся порой не просто угрозами.

А все-таки хотелось кушать.

И тогда Аделина уселась на перила и стала ждать своих подруг из параллельного класса, как это обычно бывало.

В родном классе Аделю не очень-то любили, называли замарашкой и нищенкой. А все от того, что донашивала она одежду своих подруг из параллельного класса или детдомовские одежды, которые таскала ей мачеха, работающая там поломойкой.

Она бы с радостью и не носила всех этих вещей: и из детдома, и от подруг, но, к сожалению, время было такое, особенно осенью и зимой, что выбирать или капризничать не приходилось: мороз так задувал под школьную юбку – аж до кончиков волос пробирало, поэтому без рейтуз никак не обойтись, даже чужих ношенных или старых.

К слову сказать, Аделину хоть и называли замарашкой, да напрасно, ибо лицом и фигурой это была самая красивая девочка в выпускном классе на всех трех параллельных курсах А, Б и В; и одежда ее вовсе не была грязная или какая-то неопрятная, ранняя смерть матери научила ее самостоятельно заботиться о себе: готовить, штопать, укладывать на ночь и будить по утрам. Поэтому выглядела Аделя порой даже опрятнее и дисциплинированной многих одноклассниц. Ее можно было бы назвать даже модной по меркам школьных советских правил, запрещающих носить все, кроме коричневых платьев и белых фартуков. Рейтузы, колготки, ботинки, резинки, галстуки, платья и даже нижнее белье доставались девушке от Лены, русской девочки – ее подруги из параллельного класса. Ее мама была очень добрая женщина. Родители баловали дочь, и каждый год папа-военный привозил из командировок обновки, а старые вещи, аккуратно постиранные и поглаженные, тетя Света отдавала Адели; там и штопать-то особенно было нечего.

И так уж распорядилась природа, что даже детдомовские коричневые колющие платья, приносимые мачехой тайком с работы, смотрелись на Аделине намного лучше, чем красивые кружевные фартуки и манжеты на несимпатичной Лене. Хотя это и не мешало Леночке водить шуры-муры с Тимуром из В класса, влюбляться в Игоря из А класса и, вообще, вести себя так, будто она и есть королева красоты.

Адели было не до любви, хотя порой ей на что-то такое намекали девочки, хихикая на переменках. Как только она вспоминала ненавистное лицо мачехи, суровое лицо отца, редкие фотографии мамы, то все мечты сдувало ветром в единую секунду; одна единственная мысль поселялась в ее красивой головке с пушистыми каштановыми волосами, подвязанными синей лентой, – быстрее, как можно быстрее уехать, сбежать из дома!

Далеко, через 2000 км, в далекой русской Москве жила ее тетя, двоюродная сестра мамы, когда-то давно побывавшая в гостях у них дома, как раз накануне смерти мамочки. Адели

было всего 4 года, но она точно запомнила ее слова, что, если что-то случится, девушка может приехать к ней.

Сколько раз порывалась Аделя ехать в далекую Москву, сколько бессонных ночей она провела в холодном подъезде или у чужих людей, соседей, побитая и голодная, в надежде найти то место, где она больше никогда не выслушает незаслуженных насмешек от мачехи и злых одноклассников, где она станет счастливой, где ей тоже захочется мечтать о будущем и влюбляться.

В один из таких тяжелых моментов порывалась Аделя поговорить с тетей Светой, мамой Леночки, целую неделю готовилась к разговору, хотела попросить денег и помощи в покупке билета. Но как только поднимала свои огромные необычного янтарного оттенка глаза с отчаянием и нагрывавшимися слезами, не могла попросить, стыдно и страшно становилось до невозможности. Тетя Света волновалась тогда, и девушке приходилось врать, что болит голова.

Вот в таких раздумьях на перилах застали ее требовательное урчание живота, прогремевший последний звонок и крики детей и подростков, выпущенных на свежий весенний воздух.

Леночка и Галя, подбрасывая вверх свои кожаные ранцы, шумно вылетели из дверей школы, сбивая и Аделю, и всех на своем пути. Выпускники школы порой вели себя немного бесшабашно, видимо чувствуя приближение конца учебного года, поэтому им иногда прощали такие выходки, уважительно расступались и благоговейно следили за каждым их движением, стараясь запомнить и почувствовать все эти ощущения приближения новой взрослой жизни, полной приключений и свободы. Ведь когда-нибудь они тоже станут выпускниками и больше не увидят эти ненавистные учебники и этих скучных строгих учителей, и тоже смогут позволить себе некоторые шалости.

Аделя свалилась с перил, хотела что-то спросить, но ее уже тащили веселые подружки в неизвестную даль, на ходу подсовывая бутерброд с докторской колбасой, который Лена не доела на большой перемене. Аделине после такого перекуса было абсолютно все равно куда идти или бежать, лишь бы не возвращаться до ночи домой.

А вели ее подружки ни куда-нибудь, а на гадание к одной ведьме. Аделина так изумилась, что даже не знала, как реагировать на такое: она никогда в своей жизни не гадала, а уж тем более не встречала ведьм.

– Она настоящая ведьма! – уверяла Леночка, – и всем-всем правду говорит. Я первая пойду! Пять копеек стоит, дорого конечно, но зато она предскажет будущее.

– Пять копеек? Ужас какой! У меня нет пяти копеек, – сказала Аделя.

– У меня тоже, – раздосадовалась Галя.

– У меня есть! – торжественно произнесла толстоногая Лена, покрасневшись неестественным румянцем, в упитанной фигуре которой чувствовалась такая сила, от которой папа и мама девочки иногда сами впадали в стойку «смирно», когда она на чем-то настаивала. – Я из копилки достала. Лучше мы сходим к гадалке и узнаем, когда выйдем замуж, девочки, чем потратим эти деньги на дурацкое индийское кино.

Никто не смел возразить, но втайне Галя и Аделя подумали, что на кино все-таки было бы лучше попасть – там всегда так красиво поют и танцуют.

Но Леночка уже смело вела всех к старым баракам на выселках города, где протекала речка Арбайка, в народе прозванная Змейкой из-за извилистых порогов, и, наверное, еще потому, что там водились змеи.

Чем ближе они приближались, тем сильнее становилось не по себе.

Частный сектор, устроенный старыми избушками с высокими дощатыми заборами, из-за которых разевали пасти страшные клыкастые овчарки, и высовывали мохнатые медвежьи головы кавказцы, наводил ужас. Все было закрыто, спрятано, завуалировано. Кто жил за этими высокими заборами? Говорили, что там жили цыгане, которые прятали в своих домах украденных детей и золото.

И если бы не упрямая, быстро шагающая впереди фигура Леночки, которая, казалось, не слышала страшный лай вокруг, а продолжала свои размышления вслух о своей судьбе и любви всей ее жизни, стараясь перекричать собак, девочки бы никогда не решились на такой «подвиг».

Наконец, они остановились у небольшого деревянного домика с покосившимся забором, бывшим когда-то зеленым, и позвонили в колокольчик. Никто не отвечал, Лена позвонила еще раз и еще раз, пока из-за забора скрипучим голосом кто-то раздраженно не крикнул: «Ну, сейчас!».

Девочки оторопели, даже не верилось в такое форменное хулиганство, на которое они решились, – пойти к ведьме на прием. Если кто из учителей или комсомольской организации узнает, их будут ждать такие проблемы, такой выговор, такая темная слава! Мало не покажется!

Кто-то медленно приближался к калитке, кряхтя и на что-то сетуя последними бранными словами, от которых уши сворачивались в трубочку, и взлетали вверх бровки старшекласниц. Когда дверцу, наконец, открыли, девочки чуть не взвизгнули от страха, однако им открыла дверь всего лишь пожилая хмурая женщина, которая, судя по всему, страдала радикулитом. Перевязанная в два или три оренбургских платка, словно неприглядная куколка бабочки, нещадно кашляя от бронхита, бабуля недовольно взглянула на посетительниц, моментально разгадав цель визита. Видимо, эту картину она видела часто. Икнув, она молча указала рукой, приглашая войти. Лена вошла первая, девочки последовали за ней.

Аделине, успокоенной обычному, хоть и больным видом женщины, подумалось вот что: откуда у Лены такая самоуверенность, почему ей не страшны все эти ужасные собаки, готовые вырваться и растерзать их, эти странные дома с огромными заборами, где прячут ворованное золото ужасные цыгане, откуда она знает чего хочет, где берет веру в себя и свою правоту? И почему она, Аделина, не знает чего хочет, кроме того, чтобы сбежать из этого проклятого места? Почему ей всегда страшно и больно, стыдно и неудобно за себя? И даже порой, глядя в зеркало, она не уверена, видит ли именно свое отражение?

Когда они увидели старый дряхлый дом, стало понятно откуда радикулит и бронхит: дом трещал по швам, отовсюду дул жуткий сквозняк, занавески развевались в разные стороны, будто ловя морской бриз, а полы ходили ходуном, словно бегущие по волнам.

Ведьма уселась на продавленный старый диван, видимо, свое коронное место. Напротив стоял круглый столик с павлопосадским платком вместо скатерти, на котором лежали старые, как этот мир, карты: длинные, с откусанными краями, потертые, почти потерявшие цвет и картинки. Леночка сразу же уселась поближе к столу, будто зная, что и как надо делать, и стала постукивать пухлыми белыми пальчиками по столу, формулируя в голове вопрос, пока бедная женщина с большим трудом и болью усаживалась поудобнее, бранясь и чертыхаясь.

И перед началом сеанса уже удобно усевшись на куче подушек, подложенных и под проклятую ноющую спину, и под мягкое место, она сердито спросила:

– Деньги-то принесли?

– Да, – деловито ответила Лена и выложила пятнадцать копеек на цветастый платок. Женщина собрала монеты длинными красивыми пальцами молодых женских рук, никак не сочетавшимися с образом ведьмы или старой колдуньи, а тем более бабули, и убрала быстро в жилет, выдавший лучшие виды.

После этого она сухо плюнула себе в руки и, добросовестно растирая, наконец, приступила к раскладу.

Аделина внимательно посмотрела на ведьму, поначалу показавшуюся довольно старой и уродливой, и, несмотря на небольшой житейский опыт, а может быть как раз довольно приличный опыт общения с грубым миром взрослых, подумала, что эта женщина вовсе и не старая. Просто очень больная или уставшая от тяжелой жизни, особенно, учитывая условия проживания и этот сквозняк. При большем рассмотрении Аделине даже несколько жаль стало

сгорбленную тетю. Высокая, сухая фигура женщины говорила, что была она в молодости статной и видной.

А лицо ее было настолько необыкновенным, что заслуживало особого внимания.

Крючковатый длинный нос вовсе и не был так ужасен, как показалось девушке в начале, наоборот, его можно было бы назвать орлиным носом, делающим ее лицо по-особенному привлекательным и необычным. Она могла бы сниматься в кино в роли коварной королевы или злой волшебницы из сказок, со смехом заметила про себя Аделина. Если присмотреться, ее нос даже шел этим большим глазам странного чайного цвета, от пронзительности взгляда которых, присутствующих пробирал холод и начинали бегать мурашки по коже. Вообще ее взор, казалось, жил своей отдельной жизнью. Глаза ненадолго задерживались на собеседнике, лишь мимолетно пробегали по лицам гостей, делая свои заметки и выводы, от чего морщился высокий лоб, и сдвигались вскинутые тонкие черные дуги бровей. А затем взгляд падал на карты. И с этого момента начиналось другое действо: карты полностью захватывали внимание глаз, от чего ведьме больше не было необходимости смотреть на живых людей, будто там, на столе, разворачивалось нечто захватывающее, волшебное, так сильно менялось выражение ее лица. И глаза ведьмы наливались особым светом, из чайного превращаясь в оранжевый янтарный. Что она слышала, что читала по старым рваным картонкам – неизвестно было никому. Но моментами она поднимала свой пронизывающий взгляд и уже совсем по-другому смотрела на своих собеседников, будто карты ей поведали их тайные секреты и в самом деле открыли будущее.

Гадание для Леночки тем временем стало затягиваться, и горячая печка, у которой устроилась Аделя, вовсе разморила девушку. Она периодически зевала, просыпаясь на той или иной фразе и отмечая, что в целом гадание идет правильным курсом, и пока ведьма почти ни в чем не ошиблась. Галина Витольдовна, так звали по-настоящему хозяйку этого полуразвалившегося дома, достаточно правдоподобно описала и характер Леночки, и семейную ситуацию. Далее Адель опять уснула и проснулась как раз на описании грядущего: что скоро Лена удачно выйдет замуж за темноволосого сверстника и будет счастлива по гроб жизни.

От бутерброда, от тепла старой печки и, вообще, от всей этой комичной сцены про грядущую большую любовь подруги, почему-то на Аделину напала такая тоска и дремота, что забылись рычание и вой овчарок, и она перестала бояться странноватую тетю, обвязанную оренбургскими платками. Аделя полностью успокоилась по поводу всяких там ведьм и гаданий, так как сделала для себя четкий вывод, что никакой мистикой здесь и не пахнет, а перед ними сидит хороший опытный психолог: эти бегающие глаза, сквозящий взгляд, да она сама лучше любой гадалки предсказала бы по дорогим сапожкам и пальтишку Леночки всю ее судьбу и дальнейшую жизнь, особенно, по бестолковым и одинаково повторяющимся вопросам самой же испытуемой. И, когда Галя отказалась идти второй, Адели спокойно и уверенно уселась на кресло напротив пророчицы большой любви, о которой потом напишут книги.

Пристальный взгляд, потирание рук – почему-то Аделине вдруг стало жутко любопытно и смешно, про какую неземную любовь станут вещать карты ей?!

Тетенька все раскладывала и раскладывала, при этом сохраняя молчание. Даже опытная Леночка, не выдержав, сначала присела поближе, а через 10 минут и вовсе потребовала объяснений.

Озадаченная ведьма пристально посмотрела на Аделину, а потом бесцеремонно схватила ее за подбородок, крутя лицо в разные стороны, от чего девочки прыснули, а Аделя, хоть и оторопела, но старалась не подавать виду, сохраняя спокойствие и хладнокровие. Эти дурацкие цыганские приемы знали даже малыши.

– Отец черный колдун, – наконец произнесла ведьма, – мать колдунья, – продолжала она, переводя взгляд с карт на девушку, – а тут полное отсутствие ауры.

– Чего? – смеясь, спросила Лена.

Аделя тоже насторожилась, такого словечка она еще не слышала.

– Полное отсутствие ауры, – строго сказала женщина каким-то врачебным тоном, – такое можно наблюдать, если... А сколько вам лет, девочки? – быстро спросила, привстав со своего места, женщина.

– Пятнадцать, – хором ответили старшеклассницы.

Женщина озадаченно тряхнула головой, будто разгоняя неприятные мысли, и стала собирать карты со стола.

Аделя немного растерялась от такого поворота событий и быстрого завершения предсказания и, немного насупившись и желая хоть как-то напомнить о себе, и узнать больше о своей судьбе, как это в течение двух часов вещалось Леночке, неожиданно произнесла:

– Вообще-то, мне шестнадцать, сегодня у меня день рождения, – обиженно вставила она. Наступило молчание, после которого случилось совершенно непредвиденное.

Сначала сзади с криками радости и поздравления набросились девчата, чуть не задушив Аделю в своих объятиях, и почти одновременно, видимо, совсем позабыв про свою боль в спине, с криком отчаянного ужаса Галина Витольдовна бросилась в сторону, сметая все на своем пути.

Упал стол с картами, нещадно сыпались вещи со шкафов, посуда с грохотом летела на дырявый деревянный пол в этой тесной комнате – так отчаянно махала и раскидывала руками несчастная. Цветастый платок, взмыв в воздухе, словно в замедленном кинокадре, повис посередине комнаты, еще более подчеркивая творившийся кошмар и безумие.

Стоял такой грохот, что девочки не успели даже испугаться, просто изумились происходящему: еще минуту назад перед ними сидела женщина с картами, которая хоть и была странновата, но вполне вписывалась в мироустройство своего жилища и в общую атмосферу вечера. Поэтому за эти считанные секунды в их голове не успело пробежать ни одной мысли, оправдывающей происходящий ужас и отчаяние ведьмы.

Галина Витольдовна, забившись в угол, где только что стоял старый холодильник, который теперь валялся у ног Адели и девочек с распахнутыми дверцами и источал неприятные запахи протухшей еды, с обезумевшими глазами твердила одно и то же:

– Живое зеркало! Живое зеркало! Живое зеркало!

Девочки не могли пошевелиться. Как и положено, в их комсомольском сознании всплывали цифры скорой помощи и даже пожарных служб, но как действовать и помогать психически больным, девочки из уроков БЖД не помнили.

Несчастная неожиданно вытащила из кармана жилетки монеты, быстро прыгнула в сторону Адели, бросила деньги ей в руки и вновь продолжила свои завывания:

– Уходи, уходи, я ничего не сделала тебе, уходи. У меня есть дети! Не делай нам зла!

Девочки, недолго думая, быстро собрали свои вещи и побежали к выходу.

– Очень странная женщина, – подумала Аделя на прощание, разглядывая заматанную в штору дрожащую фигуру Галины Витольдовны.

Черт его знает этих умалишенных, что они себе думают. Может быть, и стоило бы вызвать скорую, возможно, настоящий комсомолец именно так бы и поступил, но, во-первых, старшеклассницам было ужасно страшно, во-вторых, ни Леночка, ни Аделя, ни Галя не были круглыми отличницами, а значит, не сильно претендовали на роль героев комсомола, и в-третьих, узнай кто, зачем они сюда приходили, ух, держитесь голова и репутация на партсобрании.

Бежали и не оглядывались, а потом, видимо, от пережитого стресса начали смеяться, сначала тихо, а потом эмоции стали переваливать через край, так что пришлось остановиться, слезы лились ручьями, а живот болел от коликов. Они так хохотали, что даже собаки перестали на них лаять, видимо чувствуя, что страх у старшеклассниц окончательно растворился ото всех этих вечерних авантю.

Однако смех прекратился, и это пьянящее чувство от приключений вдруг пропало, как будто его и не было, когда они дошли до момента расставания, и каждый должен был пойти домой.

Был уже поздний вечер, пора было возвращаться к ужину и делать домашнее задание, только Аделю, к ее несчастью, не ждали ни ужин, ни спокойствие для работы с учебниками.

Однако ничего не оставалось делать, как возвращаться; темнело, а с сумерками опускалась температура, присутствие весны все еще давало о себе знать холодными зябкими вечерами.

Она тихонько вынула ключ от квартиры, всегда висевший на груди на веревочке, и хотела было открыть им дверь, как та неожиданно распахнулась сама. Большая и широкая фигура отца стояла в проеме, словно он поджидал ее там весь вечер. Это насторожило Аделину и застало врасплох, она просто стояла, пока, наконец, он своей мощной рукой не втащил ее тоненькую фигурку в дом, смеясь над ее нерасторопностью и осторожностью. Вся эта веселость с сильным запахом спиртного очень встревожили девушку. Отец после смерти матери почти никогда не улыбался: он работал шахтером – это была тяжелая и мучительная работа, но весь недостаток, а это было не мало по тем временам, они с мачехой быстро тратили на спиртное или что-то еще. В любом случае, ничего из этих денег Аделя не видела: одежда была либо из детдома, либо подаренная добрыми людьми, питались скудно и просто, зато дом с каждым годом наполнялся все большим и большим количеством пустых бутылок из-под водки, которые, словно его полноправные жители, стали населять все комнаты.

В целом отец Адели был хорошим порядочным человеком и желал добра дочери, но потери, тягостные обстоятельства жизни так изменили его, что он порой сам не узнавал себя в зеркале. Периодически он впадал в такое тяжелое состояние отчаяния, что было очень горько наблюдать за его мощной фигурой, сгорбленной и уныло сидящей на краю кровати, будто грустный великан, плачущий и убитый горем, сошел с картин известного художника. Поэтому, видимо, Адели не обижалась на него, в душе очень жалея и переживая его уныние, прощала за синяки и оскорбления. Когда он был трезв, то был добр с ней, даже втихаря, тайком от мачехи, совал рубли в карманы, иногда плакал об умершей матери и доставшейся Адели сиротской судьбе. Но приходил момент, когда он, словно его подменили, становился злой и агрессивный, черные глаза наливались кровью, он разговаривал сам с собой, и разговоры эти были страшные, гневные. Но даже в такие моменты девушка любила и жалела отца.

– Проходи-проходи, дочка. Сегодня хороший и радостный день! Наконец-то, мы сможем чем-то помочь твоей судьбе, и, снимая с плеч Адели ранец, он небрежно бросил его на пол, ведя ее за руку в зал, где, как оказалось, их ждали какие-то люди.

В комнате сидела мачеха, раскрасневшаяся и тоже в приподнятом настроении, видимо, от выпитых рюмок, которые горой стояли на столе вперемежку с какими-то закусками. Она радостно поприветствовала Аделю, блаженно расплылась в беззубой улыбке, и стала что-то комментировать незнакомой женщине о том, какую красивую дочку они вырастили на старости лет.

Аделина ничего не понимала. Ее усадили за стол и представили на вид очень приличной женщине в цветастом платке, которая внимательно разглядывала девушку, и ее молодому сыну, тоже не отводившему от нее своего пристального взгляда.

– Да ты покружись, покружись, Деличка, – ни с того ни с сего стала выкрикивать мачеха, пытаясь встать и дотронуться до падчерицы.

– Да незачем, апа, мы с сыном и так видим – это настоящая красавица, как вы и говорили.

– А какая умница: учится хорошо, все сама по дому делает. Мы, к сожалению, ей в этом не помощники – все допоздна работаем, устаем, прибавил отец и положил на плечо дочери свою тяжелую руку.

– Хорошо учиться или плохо – это теперь не важно, тепло сказала женщина и без разрешения стала гладить длинные каштановые волосы Адели, – замужем другое важно.

Замужем? – распахнула от удивления свои глаза на отца Аделина, – о каком замужестве идет речь?

– А, что ты так смотришь? Когда-нибудь этот вопрос обязательно встал бы. А тут Галина Маратовна сама пришла, рассказала, где и как ты будешь жить, сына вон своего, богатыря показала. Хороший перспективный парень: работает, первый разряд уже имеет в двадцать лет-то! Как за каменной стеной будешь! А я – не вечный, да и сердце у меня за тебя болит, дочка. Жизнь, я знаю, у тебя не сладкая, – сказал отец и крепко прижал дочь к груди.

– А если понадобится разрешение родителей, мы подпишем, – резюмировал отец, не отпуская из объятий похолодевшую фигурку дочери.

– Я не собираюсь замуж, папа, – тихо простонала Адели.

– Пойдешь, родная, пойдешь, для тебя это лучше всего сейчас. Не ровен час, кто за тебя постоит, кто заступится? А тут семья приличная, с достатком. Я буду спокоен за твое будущее.

– Я не пойду замуж, папа, – твердо сказала Аделина, вырываясь из отцовских объятий. Он дал ей освободиться и с неудовольствием посмотрел на нее. – Ну зачем ты все портишь, дочка? Зачем свой характер показываешь? Я же говорю, это мое тебе благословение, такую свадьбу сыграем – все помнить будут. Семья приличная, – и будто в подтверждение своих слов, он указал своей мощной рукой в сторону матери с сыном.

– Я не вещь какая-нибудь, чтобы за меня решать, когда мне замуж выходить, папа. Ты просто пьяный. Сам подумай, что ты делаешь!?

– Ну что ты такое говоришь, Деличка. Все уже решено. Парень-то хороший, я бы за плохого не дал согласия, – все повторял отец.

Аделя не могла поверить в происходящее, переводила взгляд с черных замутнённых глаз отца на ословевшую мачеху, и волна отчаяния и безысходности медленно стала накрывать ее. Перед глазами поплыли, будто отражаясь в кривых зеркалах, темнеющие картинки праздничного стола в угаре, разливающихся рюмок, этих незнакомых ей людей, пьяных отвратительных гримас отца и мачехи, которые желали продать ее, словно скот. Сердце превращалось в черный тяжелый камень.

– Если бы жива была мама, – вдруг прокричала Аделина, – она бы такого не допустила! Что ты делаешь, папа?! Ты сошел с ума!

Отец привстал, желая схватить ее, но она резво рванула из его объятий в сторону выхода, от чего он неуклюже с грохотом свалился с табуретки.

– Домой придешь – убью! – помахала грозная фигура великана с пола.

– Ну что вы так строго! Одумается. Конечно, новость неожиданная, да в ее возрасте все мечтают замуж выйти побыстрее. Вот с подругами посоветуется – сама придет прощения просить. Не беспокойтесь! Мы все понимаем с сыном. Мы подождем.

Мачеха выпила еще одну рюмку, и ее раскрасневшаяся физиономия расплылась в неловкой улыбке:

– Бесстыжая... Своего счастья не понимает, – сказала она.

* * *

Аделя вылетела из подъезда и, сама себя не помня, побежала. Она не чувствовала головы, вместо нее была одна большая пустота, где поселилась ужасающая мысль, о которой девушка боялась даже подумать. Ее ноги убыстряли ход, будто убегали от этой отчаянной мысли, что она люто и страшно, от всей своей маленькой птичьей души ненавидит этих людей, сама даже не подозревая, что способна на такие сильные чувства. Это напугало ее и приводило в сильное отчаяние.

Горькие слезы текли по щекам, обжигая юное лицо, и она спрашивала себя, чем заслужила такие несправедливые испытания. Разве мало ей было этого сиротского существования,

этих невзгод, лишений, этого безысходного нищенского положения, этих унижений и грубых оскорблений со стороны взрослых и одноклассников?! Так напоследок ее хотели лишить последнего, что грело ее в те ненастные дни одиночества и тоски по матери, по безвозвратно потерянным счастливым дням в кругу семьи, что робким ростком питало ее тонкую фигуру и нежную душу, – надежду любить и быть любимой.

Где ты, мамочка?! Как ты могла оставить меня одну? Зачем тогда ты меня родила? Зачем я? – кричало отчаянно сердце бегущей в темноте девочки.

От такого последнего крика души, от навалившегося горя, она и вовсе потеряла рассудок и опасно неслась куда-то с закрытыми глазами, полными слез.

А когда открыла их, к своему ужасу обнаружила, что стоит у калитки в дом недавней знакомой, выдававшей себя за гадалку. И про себя с упавшим сердцем отметила, что и тут ей не везет. Она могла попасть куда угодно, а ноги ее принесли в самое не благоприятное для нее сейчас место. И что она здесь делает?

Аделя оглянулась вокруг и почувствовала странную тишину: собаки не лаяли, на улицах ей никто не встречался. Как она добралась сюда так незаметно? Еще более странным было увидеть открытую дверь, как-будто кто-то ждал ее. Или это случайность? Хотя какие тут могут быть случайности – открытые двери в ночной час да в таком жутком месте.

От усталости и удрученности своего положения Аделя не понимала что делать. А, так как возвращаться было еще страшнее, она решила-таки войти в дом. Однако ее никто не встретил, хотя было видно, что гостей здесь ждали. На столике с павлопосадским платком, который совсем недавно летал под потолком с другими вещами, лежали разложенные к ужину приборы. Вдруг знакомый уже голос, хриплый и простуженный, откуда-то из-под земли приглашал войти и подождать.

Аделина взяла кусок сыра со стола и неожиданно для самой себя быстро его съела. Весь этот ужасный день с его злоключениями не дал девушке ни единого шанса даже попить водички, только Ленин бутерброд, уже растворившийся в молодом организме, спас ее хрупкое тело от таких потрясений и удержал на ногах до поздней ночи.

Наконец, девушка услышала приближающиеся тяжелые шаги и напряглась, сама не зная чего ожидать и как объяснить свое присутствие.

Галина Витольдовна вошла в комнату, неся поднос, на котором дымились печеная картошка и мясо, и, увидев девушку, неожиданно всплеснула руками, уронив горячий ужин, и опять, как днем, исполненная ужаса, упала на пол.

Аделя молчала. Это ужасная картина отчаянной реакции бедной больной женщины на девушку парализовала ее. В голове крутились слова извинений и какой-то ворох бессвязных оправданий на невероятные стечения обстоятельств. Несчастливая вновь начала свои еле разборчивые причитания. Аделина хотела опуститься рядом с ней на пол и приобнять ее, но та резко вскрикнула, закрывая лицо руками, и бросилась в другую сторону.

– Что ты хочешь? Что ты хочешь? Я ничего плохого тебе не сделала! У меня есть сын, пожалей его! Он такой же, как ты, совсем юный. Не делай ему зла!

Эти слова Аделину окончательно скосили, и, упав на пол рядом с Галиной Витольдовной, она заплакала, цепляясь за уползающую на коленях женщину.

– Тетенька, ну что вы такое говорите! Меня зовут Аделя, я школьница, живу здесь недалеко, – в слезах проговорила девушка, разводя руки ведьмы, и пытаясь заглянуть ей в глаза, чтобы та убедилась, что она не представляет для нее никакой опасности. И вдруг, словно молнией пронзенная, Аделя невольно вскрикнула, увидев обезображенное лицо несчастной ведьмы. Не ожидая того, что предстало перед ней, девушка, хлопая глазами, была не в силах отвернуться, ошарашенно тарашась на страшный свисающий, словно у индюка, нереально длинный нос.

Она еще долго не могла прийти в себя, и даже тогда, когда Галина Витольдовна в страхе убегала из дома, девушка все сидела и не двигалась, будто ее заморозили. Наверное, поэтому, спустя какое-то время, она встала, подошла к серванту, без труда нашла там деньги и спокойно вышла из этого проклятого места, направляясь к вокзалу.

Глава 2. Сказка, наконец, открывает свои волшебные двери и девушка узнает, что она зеркало

Аделина сидела в зале роскошного ресторана, убранство и вид которого ежегодно становились Меккой всех туристов столицы, желающих увидеть блеск старорусской Москвы с ее барскими замашками, размахом русской души и гостеприимством.

Жители же Златоглавой заходили сюда просто вкусно покушать, пообщаться по делам в камерной обстановке с хорошим сервисом и, пожалуй, понаблюдать за туристами, не устающими восхищаться борщами и щами, неприлично кричащими на весь ресторан на разнообразных птичьих наречиях.

Аделина сидела у окна, за которым бушевала весна. Москва скидывала с себя серый зимний плащ, облачаясь в робкие зеленные расцветки. Яркое солнце, не скрывая своего безудержного фееричного настроения, дерзко отражало золотые купола церквей во всех маломальских лужах и немытых стеклах проезжающих авто.

Ее черные очки казались весьма кстати в такой яркий солнечный день, особенно в глянцевом блеске стеклянной веранды ресторана, где она расположилась. Солнце творило что хотело, отражаясь во всех начищенных серебряных чайниках и чашках беспрестанной игрой в зайчики, и порой официанты с подносами теряли равновесие, ослепленные зеркальными бликами. Однако вряд ли кто-нибудь из гостей или обслуги мог подумать, что очки Аделине были нужны вовсе не поэтому, а по другой причине. Вот уже полчаса она сидела с закрытыми глазами, с раскрытым в руках меню, в ожидании важного гостя.

Черные очки были в прямом смысле черными, через них не было видно ни единого предмета. Аделина всегда носила их в общественных местах в тех редких случаях, когда выходила из дома.

В животе урчало, голова кружилась, сердце неровно билось в груди, и Аделину то и дело бросало в жар. Меню слегка подрагивало в тонких руках, однако она продолжала напряженно сидеть, облизывая сухие губы, лишь изредка позволяя себе открывать глаза, чтобы посмотреть в черноту непрозрачных стекол.

Ресторан, как большой улей, наполнялся гостями перед обеденными часами; из-за популярности и престижности заведения сюда заходили именитые актеры, режиссеры, что вызывало шум и толкотню. Как, например, сейчас – шум в зале усилился, так как в ресторан прибыл настоящий табор, яркими красками влетевший в чуть тусклый зал с вековой лепниной старинного московского особняка. Алая рубашка барона и парчовые платки на крутых боках многочисленных цыганских жен вмиг раскрасили помещение в цвета ярмарки и праздника, привлекая всеобщее внимание. Туристы захохотали, кто-то даже захолопал, казалось, только официанты сохраняли спокойствие и невозмутимость: может потому, что достопочтенная семья столичных цыган была здесь постоянным гостем, а может, идеальная вышколенность и безупречный сервис персонала сохранялись и соблюдались здесь также твердо и неотступно, как рецепты и качество русской кухни.

Аделина непроизвольно открыла глаза и тоже посмотрела в сторону возникшего шума. Однако, видя перед глазами черноту, ей пришлось только догадываться, что происходит в зале. Именно для этого и служили черные непроницаемые очки – на случай, если любопытство пересиливало, очки не давали ему ходу.

А зрелище было действительно прелюбопытнейшее, даже для видавшей разные чудеса столицы. Бородатый барон и его красивые, облеченные в золото чернявые жены неспешно рассаживались, щебеча и курлыча на своем языке.

Аделина, слушая этот непонятный гвалт, поняла, что с минуты на минуту ее мучительные ожидания прекратятся. Прибытие столь странной публики, завладевшей вмиг вниманием всех

присутствующих, было знаком, что впереди ее ждет появление чего-то более удивительного. Поэтому девушка без страха сняла очки и, посмотрев туда, откуда доносились смех и шум, задержала свой взгляд на цыганском бароне, старательно контролируя чувства.

Будто почувствовав что-то, барон неожиданно встал и повернулся в ее сторону, выпуская ароматные клубы дыма из своей массивной цыганской трубки в поисках чего-то, что мешало ему спокойно усесться на свое место и приступить к обеду.

Достопочтенный хозяин цыганских судеб продолжил шарить черными глазами по залу, как вдруг его лицо дернулось, заметив прямой взгляд беловолосой девушки, одиноко сидящей за последним столиком на двоих. Он побледнел и замер в нерешительности, черные глаза округлились и стали часто помаргивать своими длинными пушистыми ресницами.

– Садись, кари, – потянула его за рукав одна из жен, однако он будто окаменел, глядя куда-то вдаль. Жена проследила за его взглядом и увидела, что он смотрит на молодую худосочную русскую женщину с белыми волосами, сидевшую далеко у окна. Цыганская жена фыркнула, но не переставала смотреть, напряженно наблюдая за дальним углом ресторана, а потом ее лицо тоже изменилось, и она побледнела.

Аделина, наконец, опустила глаза в меню и, поймав за рукав официанта, пролетавшего мимо, уже спокойно произнесла:

– Пожалуй, я закажу черный чай с бергамотом и ваши фирменные ватрушки с творогом. И принесите второе меню, пожалуйста, мой гость уже здесь.

Аделина попыталась представить себе эти знатные ватрушки, и желудок снова отозвался жалобными позывами.

Как же они напоминали те самые ватрушки, удивительные воспоминания из детства, что делала ее мамочка, когда еще была жива, и которые были ее любимым блюдом. Запивала она их, не торопясь, несколькими чашками горячего черного чая с бергамотом. Это было волшебным моментом для семьи, когда тесто, поставленное в теплое место с раннего утра субботы, разносило по всему дому аромат выходного дня. Все собирались дома и обедали, а в воздухе витали спокойствие и счастье.

Барон, выдохнув дым, озадаченно присел на свой стул, жена положила руку ему на плечо, и они удивленно переглянулись немymi взглядами. Однако решили успокоиться и оставаться на своих местах, видя, что худосочная блондинка с прямыми волосами за последним столиком больше не смотрит на них.

Аделина смотрела в меню, и в какой-то момент ее сердце ухнуло, будто провалилось в пропасть. Густая волна терпких женских духов сладким облаком накрыла тонкую фигуру девушки – кто-то молча усаживался напротив, удобно располагаясь. Краем глаза Аделина увидела, как в спешке семья цыган, быстро расплатившись, бегом направляется к выходу, бросая испуганные взгляды в сторону Аделины и гостя напротив.

Официанты спокойно собирали стол после колоритных гостей. Эта привычка быть снисходительными к причудам посетителей была отличным качеством местного сервиса, за что и любили этот ресторан. Аделина попыталась сконцентрироваться на этой мысли, является ли данная черта естественным следствием правильно подобранных людей или же – это результат хороших навыков светских манер, достигнутых обучением и подготовкой кадров? Хотя одно вполне могло вытекать из другого...

Как вдруг ход ее мыслей, на которых она пыталась сконцентрироваться, был нарушен вопросом напротив.

– Вы себе уже что-то заказали, дорогуша? Сто лет здесь не была, – и гостя засмеялась, – тьфу, что я говорю, типун мне на язык, лет тридцать я думаю, не больше. Вот старость не радость – все исчисляю сотнями, – и приятный женский голос вновь хохотнул.

– Я заказала чай и ватрушки с творогом, – сказала Аделина и попыталась сконцентрироваться в двадцатый раз на строках меню, однако сердце так бешено билось, а тошнота так подкатывала к горлу, что в глазах стало двоиться.

– Чай – это хорошо, – добродушно сказали напротив, и изящная женская рука уверенно отодвинула меню. Аделина невольно взглянула на незнакомку.

– Да вы вся дрожите и такая бледная! – неожиданно вскрикнула гостья, и глаза ее необычного карамельного цвета испуганно округлились. Женщина приподнялась со своего стула и дотронулась приятно пахнувшей рукой до горячего лба Аделины.

– Дорогая, да вы вся горите! – воскликнула гостья, глядя на уткнувшуюся в чашку чая девушку, – вы верно ничего не ели, – догадалась женщина и, нежно, но настойчиво взяв ее за подбородок, проникновенно посмотрела ей в глаза, будто желая заглянуть внутрь. Аделя пыталась отвернуться, но настойчивый пронизывающий взгляд притягивал к себе неудержимым магнитом. Не смея больше сдерживаться, Аделина взглянула на человека, которого страстно желала увидеть вот уже много лет, и единственного кто мог ответить на все ее томившие душу вопросы.

Но ничего ужасного или особенно страшного не произошло. К огромному своему облегчению, Аделина заметила, как стали растворяться ее страхи и опасения в этих прекрасных добрых глазах карамельного цвета, в которых играючи переливалась вся эта комната. Глаза дамы были похожи на зеркала, и в них, как отражениях, Аделина вдруг обнаружила себя, такую беспомощную и потерянную, уставшую от вечного непонимания и преследовавшего ее рока, что ее глаза стали наполняться слезами, и она была готова вот-вот разрыдаться.

– Понимаю, Зеркало Отчаяния, – печально кивнула милая дама, сверху вниз внимательно рассматривая Аделину и тоже отражаясь в ее больших раскосых глазах точно того же оттенка, что и у нее.

Внешность девушки действительно была необычной: многие бы отметили особенную красоту в худобе и бледности, находя сходство с идеалами прошлых эпох, когда ценились благородство, тонкость и изящество черт.

А вот другая часть человечества назвала бы Аделину чересчур бледной и даже болезненной. Платинового цвета волосы, аккуратно постриженные по одной длине, ложились на тонкие плечи, медленно переходя в такого же оттенка бледную кожу. Во всем теле чувствовалась какая-то внутренняя натянутость.

И только огромные живые глаза с восточным разрезом, будто два крупных прозрачных кристалла янтарного оттенка, горели и переливались, внимательно разглядывая окружающий мир. Все это было странно и необычно, будто девушка находясь в каком-то образе, была искусственной и даже жеманной. Будто бы она вообще прилетела с другой планеты и чудом оказалась здесь, в ресторане, среди всей этой веселой перемешанной публики.

В свою очередь, Аделина жадно всматривалась в фигуру напротив. Это была красивая дама средних лет, быть может сорока или пятидесяти. Благородство, самоуверенность, добрый нрав чувствовались во всем: в прическе, одежде, манерах. Прямой нос с широкими ноздрями говорил о сильном характере и эмоциональности натуры; румянец и продольные морщины от не покидавшей лицо улыбки делали его по-доброму открытым и располагающим к себе; глаза необычного, почти оранжевого цвета, будто подсвеченные изнутри, смотрели очень внимательно – это был взгляд старой учительницы на юного ученика. На каком-то подсознательном уровне, каждой клеточкой кожи чувствовала Аделина, что перед ней стоит кто-то очень сильный мудрый и добрый.

– Вы можете быть абсолютно спокойны, дорогая, смотрите на меня, это не опасно, – доброжелательно улыбаясь, сказала дама, отпуская подбородок Адели и усаживаясь напротив, давая время хорошенько разглядеть себя. – Называйте меня Елена Васильевна. А вас как величать?

– Аделина.

– Красивое и символичное имя для Зеркала. Вы татарка? Я вижу, у вас восточные корни. Девушка кивнула.

– Вы хотели видеть меня, Аделина, я пришла, – тихо сказала Елена Васильевна.

Все это было так странно и неожиданно, что девушка опешила и напрочь забыла все вопросы, что годами копились в ее голове.

– Пока вы размышляете, дорогуша, я закажу. А закажу я сегодня настоящий пир! Ведь у нас праздник! Не каждый день встречаются два Зеркала! Пельмени со свининой и жирной сметаной, котлету по-пожарски, щучью голову и... и черный чай с бергамотом, и мороженое. Вот! Гулять, так гулять! А потом коньяк! Могу я позволить себе праздник в такой волшебный день?!

– Зеркала? – не совсем понимая, переспросила Аделя.

Вдруг Елена Васильевна резко вскинула руку в сторону, перехватывая официанта на бегу и сильно притягивая к столику.

– Уважаемый, мы хотим все это и коньяку с сигарой.

– Да, но в нашем ресторане не курят! – воскликнул озадаченный официант, балансируя огромным подносом в руках, крепко захваченный в плен за полы пиджака.

Елена Васильевна повернула к молодому человеку свою аккуратную, уложенную в модную дамскую прическу голову, и внимательно посмотрела ему в глаза, в которых отражалось и яркое весеннее солнце, и купола церквей, и все лужи города, и сам официант с подносом, от чего молодой человек зажмурился от нестерпимого блеска в глазах.

– Сейчас сделаем, – услужливо и весело произнес он и полетел исполнять заказ.

– Елена Васильевна, почему вы так долго не отвечали на мои призывы? Извините, что начала сразу с претензий, – нервно рассмеялась Аделина, – я просто немного растерялась, у меня было столько вопросов, а теперь вы пришли, и... честно говоря, не ожидала, что Вы – это Вы.

– Аделичка, не переживайте, у нас будет очень долгий разговор, и я отвечу на все ваши вопросы. Советую вам перекусить – видно, что вы разнервничались, – рассмеялась дама, – температура тела как в кратере вулкана. Так долго не протянешь.

Аделина хотела что-то сказать, но потом вдруг умолкла. Действительно, чувства переваливали через край, настроение менялось так резко, что она не могла справиться с эмоциями.

– Вы должны мне верить, дорогая, я пришла к вам с абсолютно миролюбивыми намерениями, и чтобы наши разговоры никому не помешали, я поставила «Купол незримости». Мы в абсолютной уединенности и безопасности, как, собственно, и они, – махнула она красивой рукой с аккуратным маникюром в сторону других гостей ресторана, которые застыли словно в замедленной съемке.

Аделина посмотрела в зал и удивилась, что не обратила внимания раньше на то, как изменилась обстановка: зал стал похож на художественную картину, а люди замерли, будто нарисованные на холст. Девушка пожалела, что ей раньше не приходила в голову идея замораживать реальность, что было поизобретательнее черных очков. Да и для самих людей периодическая заморозка была бы полезней.

– Как вы это делаете? – тяжело выдохнула она, и ее бледное лицо немного расслабилось.

– Опыт, – сказала дама напротив, – я концентрируюсь на мысли, что нас нет, запускаю ее, словно мячик, туда, куда надо, и она превращается в центральную идею, будто накрывая меня куполом, все остальные мысли всего лишь вращаются и отталкиваются от него. Как бульон в супнице... – и Елена Васильевна рассмеялась, руками показывая, как помешивает бульон. – В супнице сказала, заметьте. Вот ведь голод не тетка – все мысли о еде.

– Так они нас не видят? – не могла поверить Аделина.

– А разве мы с вами существуем? Мы – это иллюзия, дорогая, не больше, чем этот купол. Стоит только об этом подумать – пфф! Да вы кушайте! Скоро я научу вас – все это очень просто.

– Я боялась, что мое волнение заставит меня слишком сильно желать получить ответы от вас, и, что хуже всего, они могут мне не понравиться. Я постаралась голодом отвлечь свое внимание, – тихо сказала Адели.

– Я знаю, это старые приемы. Лучше начните ваш рассказ, когда и при каких обстоятельствах вы почувствовали Это? – серьезно спросила Елена Васильевна, приготовившись внимательно слушать.

– Мне пришлось бежать из дома в шестнадцать лет, – тяжело вздохнула Адели, словно возвращаясь в прошлое, – это было не простое время, и его трудно вспоминать. Но прошел еще целый год, пока я поняла, что со мною что-то не так. Меня приютила моя тетя, и я думала, что, наконец, нашла ту тихую гавань, где смогу стать счастливой. Ведь я не требовала много от жизни – просто, чтобы меня любили и заботились обо мне, и я могла отвечать тем же. Конечно, в душе я продолжала мечтать и надеяться на чудо, но то, что стало происходить потом, перестало укладываться в моем сознании.

Начались другие чудеса... Сначала я четко не осознавала, что мои желания подвластны мне, но когда поняла, то очень испугалась. Любая мысль, в зависимости от силы желания и сложности, превращалась в реальность.

В общем, я не хочу сильно отвлекать ваше внимание на подробности. Думаю, они вам известны даже лучше, чем мне. Но с того момента, как я осознала истинную силу своих желаний, мой ум больше не принадлежал мне, и я перестала понимать и контролировать происходящее. Мне казалось, я схожу сума. Были, наверное, и забавные моменты, но в целом для меня это обернулось полной катастрофой.

Аделина облизнула сухие губы и продолжила.

– Моя тетя не дожила до того момента, когда я смогла бы помочь ей восстановить здоровье. В этом я виню себя. Если б раньше догадалась, что я не совсем человек, что могу управлять событиями и окружающими явлениями и спасать людей!...

Все стало рушиться на глазах, когда я стала понимать, что люди похожи на бабочек, неудержимо стремящихся к огню. И ни мои желания, ни мои просьбы не могут уберечь их от этого стремления, наоборот, приближают момент, – и девушка задрожала, будто перед ее глазами предстали картинки, о которых она рассказывала.

– С некоторых пор я боюсь людей и не понимаю их. А хуже всего, что я не понимаю себя и боюсь своих желаний. Я простая девушка, которая хотела быть счастливой, как многие другие, – и Адели провела тонкой рукой вокруг, – но все это мне недоступно: я не могу завести семью, не могу иметь друзей, я даже не могу завести котенка. Любая моя неконтролируемая мысль, любое недовольство, маленькая обида, невзначай произнесенное слово – все это материализуется и начинает жить собственной жизнью, будто проклятье, отражаясь на чужих судьбах. Я чувствую себя опасной для окружающих... – и Адели перешла на шепот. – Я – монстр... Я приношу несчастье... Какой во мне смысл? Я даже не могу умереть, как поняла. Мне осталось только тихо сидеть в своем прибежище и контролировать свои чувства и мысли, чтобы не стать причиной еще больших бед. И приблизившись к своей собеседнице, все это время очень серьезно ей внимавшей, Аделина скорбно произнесла: – Я ведь могу и убивать, это мне тоже доступно. Порой я именно так себя и ощущаю, чувствуя себя палачом и могильщиком в одном лице, которого зовут на свои похороны сами мертвецы. Я так устала от этого чувства, от себя, от людей. Елена Васильевна, кто я? – шепотом спросила Адели.

– Зеркало, – спокойно ответила дама напротив.

– Зеркало? – недоверчиво переспросила несчастная девушка.

– Зеркало Отчаяния, если точнее, – и Елена Васильевна грустно посмотрела на Аделину, давая время переварить информацию.

– Я не понимаю, – честно сказала Аделина, – какой смысл моего существования?

– Отражать реальность во всем его многообразии. Служить подлинным отражением всего сущего.

– Я не человек?

– В общем понимании Зеркала являются людьми, но, можно сказать, на следующем этапе эволюции. Это существа, способные управлять реальностью и материализовывать свой мир так, как хотят его видеть. И вот здесь каждый делает выбор сам. Вы, дорогая, стали Зеркалом отчаяния, и люди, потерявшие надежду, разуверившиеся в себе или разочаровавшиеся в других, стали приходить в вашу жизнь, чтобы еще раз удостовериться, что ничего изменить нельзя, что мир жесток, груб и несправедлив, тем самым оправдывая свое поведение, ошибки, жалкое существование и неудачи.

Глупо думать, что счастье заключается только в радости. Есть на свете люди, которые живут ради других идеалов. В современном мире вообще все перевернулось с ног на голову: для одних в почете подлецы, лгуны, мерзавцы всех мастей, а для других стало нормой жизни быть несчастным, жаловаться на судьбу и бояться быть самим собой. Вот где кроется замкнутый круг. Отчаяние притягивает отчаяние, отражает его и тем самым приумножает. Конечно же, все эти люди стремятся к тому, кто порождает этот поток.

– Вы хотите сказать, что я провоцирую их?

– Да, Аделина, Зеркала гуляют по улицам, Зеркала – наши соседи, Зеркала – наши друзья. Они встречаются повсюду. Их невозможно пропустить или миновать столкновения с ними. И человек отражается в них своей истинной сутью – всем тем, чем наполнен. А самое главное заключается в том, что он начинает видеть в отражении единственного виновника всех этих несчастий – себя. И вместо того, чтобы задуматься и изменить ход своей жизни, стать ответственным, открытым, понять и увидеть, где и как он делает ошибки, загоняя себя в это круг отчаяния, человек предпочитает обвинить Зеркало, пытается уничтожить, разбить отражение. И тут же этот несчастный, не понимая, что всего лишь говорит сам с собой, прокликает себя. Живое Зеркало, например, вот такая милая девушка, как вы, начинает чувствовать страх, боль, отчаяние, и вольно или невольно все эти чувства и проклятья возвращаются к тому, кто их послал. Так ситуация усугубляется, и каждый получает то, что заслужил, – и Елена Васильевна развела руками, ожидая новых вопросов.

– Но как? Почему люди не понимают?! – воскликнула Аделина. – Что в таком случае они должны сделать, чтобы избежать столкновения со мною?

– Столкновение неизбежно. Но вот каково будет отражение – это вопрос. Будет оно похоже на пощечину или увесистый пинок под зад, – задорно улыбнулась Елена Васильевна, – или жизнь превратится в бесплатный круиз вокруг Солнца – это в нашей власти.

– Что делать, спрашиваете вы? Для начала нужно перестать врать самому себе. – На миг ее лицо стало серьезным и сосредоточенным. – Человек – это важная нота в общей космической мелодии, и каждый должен озвучить себя и оставить свой уникальный след в этой удивительной космической музыке. Но чтобы понять смысл и услышать правильное звучание своей ноты, нужно быть очень искренним и смелым.

Елена Васильевна откинулась в кресле и закрыла глаза, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя:

– Я покажу вам, как это работает.

Представьте себе, живет на свете одна девушка, вполне даже симпатичная и приятная, которая умеет быть веселой и жизнерадостной в компании, одним словом, любит жизнь, – Елена Васильевна открыла глаза и посмотрела куда-то вдаль, будто там она видела продолжение этой истории. – У нее есть семья, любящие родители, очень уважаемые и порядочные

люди, которые от всего сердца давали ей все лучшее, вселяли веру в себя и в собственные силы, стремились воспитать ее достойным человеком. Легковесность ума и довольно скромные способности дочери они постарались восполнить хорошим образованием, всеми правдами и не правдами устроив в институт. И, несмотря на отсутствие желания учиться, что, конечно же, не укрылось от родительского мудрого взора, довольно легкое поведение и плохую успеваемость, она получила диплом. В надежде, что труд облагородит их чадо, родители добились для нее приличного места в уважаемой клинике. И до этого момента все шло хорошо. Но, к сожалению, все эти старания были предприняты не самой девушкой, а мнимые успехи были плодом настойчивых трудов родителей. И ее нота, извините за поэтичность, привычка эпохи, стала фальшивить. Стало неотвратно проявляться истинное звучание. Сама девушка особо не скрывала своих настоящих желаний: жить легко и просто, не утруждая себя мыслями о цели своего существования. Любимым ее занятием было невинное разглядывание глянцевого журналов, а заветным желанием – однажды тоже сойти с их страниц в блестящем ореоле, – Елена Васильевна загадочно улыбнулась, но продолжала свою историю.

– В целом ей нравилась ее профессия. Но, если бы можно было заглянуть в эту симпатичную головку, вы бы с удивлением обнаружили, что по-настоящему она любит в своей работе то, как красиво смотрится в своем строгом белом халатике, как солидно вышагивает по коридору, строго поучая пациентов о неправильном образе жизни и командуя медперсоналом, как выписывает красивым почерком рецепты, как выдвигает свои глупые гипотезы о будущем науки, на которую, если честно, ей было абсолютно наплевать.

Она обожала в работе сплетни с другими врачами, порой неэтично распространяясь о чужих секретах, вмешивалась туда, куда ее не просили, любила хвастаться, вызываясь одеваться и флиртовать с мужчинами, а потом за общими посиделками привирать о своих победах. Но, конечно же, она никогда сама не призналась бы в этих бестолковых мыслях и поступках, ведь у нее было вполне приличное воспитание. Отдавала ли она себе отчет в том, что с годами так и не завела глубоких дружеских связей, что женщины все реже стали приглашать ее к себе в гости, а мужчины лишь пользовались ее легкостью и доступностью, умные и уважаемые быстро теряли интерес к легковесности, а вокруг оставались лишь зануды и дураки? Вряд ли... – бесстрастно ответила на свой же вопрос Елена Васильевна.

– Наконец произошло то, что и следовало ожидать: больные начали жаловаться, коллеги стали недолюбливать, по городу гуляли обидные слухи и сплетни. Только уже пожилые родители были бессильны заступиться своим авторитетом и восстановить тающее на глазах уважение и рушащуюся на глазах карьеру.

Это были последние знаки судьбы, дающие ей шанс остановиться и присмотреться к своей жизни и своим поступкам, но для нее было проще обвинить других, предполагая, что все ее беды, эти жалобы и наговоры – все это сплетни и зависть коллег. И вообще, эти люди, и сам этот город слишком мелок и недостойны ее уровня и тех высоких идеалов, смотрящих с белых яхт в разноцветных купальниках, махающих ручками с веселых вечеринок.

И эта чудесная девушка покупает билет и едет в Большой город, где по ее мнению умеют оценить настоящий талант. Вот где фабрика звезд, способная исполнить ее мечты!

А ведь, Аделина, у нее действительно было одно большое качество – удивительная целеустремленность. С таким упорством, да во благо окружающих, можно было бы горы свернуть и тоже попасть на страницы журналов, и даже войти в историю. Но не за милую мордашку или сомнительные заслуги, а за работу, которая заслуживает уважения. – сделала паузу Елена Васильевна и отпила неустанно дымящийся ароматный чай и с новым вдохновением продолжала.

– Итак, наша героиня стоит в самом сердце столицы у знаменитого памятника великому поэту и решает выпить чашечку кофе в лучшем ресторане города, там, где собираются все

эти кумиры с глянцевого журналов. И стоит только правильно подвернуться в нужный момент, улыбнуться, взмахнуть ресницами, и ты уже на Олимпе.

Елена Васильевна хлопнула в ладоши, от чего слушавшая внимательно Аделина вздрогнула, а потом и вовсе ахнула: зал опять ожил, зашумели стулья-тарелки-вилки-ножи, и в ресторан вошла не кто-нибудь, а сама Леночка, подруга детства и одноклассница.

От внезапного удивления девушка привстала, но Елена Васильевна усадила ее назад. – Она ищет Зеркало, Аделина, ей обязательно нужно узнать правду о себе. Эта встреча – неминуема, – пророческим тоном произнесла Елена Васильевна.

Леночка уверенно вошла в ресторан и вместе с официантом стала искать удобное для себя место, как вдруг ее взгляд упал на Аделину. Она некоторое время рассматривала ее, а потом, узнав-таки подругу, радостно побежала в сторону столика.

Леночка изменилась, чуток прибавила в весе, похорошела, расцвела, одним словом, превратилась в настоящую женщину. Волосы уложены в романтическую небрежную прическу, яркий макияж, немного смелые даже для столицы длина юбки и разрез, все в целом было привлекательно, соблазнительно и смело, в духе Леночки, которую помнила Адели с детства.

Они тепло обнялись, и Аделина хотела представить Елену Васильевну, но вдруг поняла, что Леночка не видит гостью.

– Аделичка, какая ты стала теперь! – с восхищением воскликнула Лена. – Такая одежда, такой стиль! Недаром столько лет в столице. Конечно, она прививает вкус даже тем, у кого его никогда не было, – слегка ехидно подчеркнула девушка последнее предложение. – Ну, ничего, я наверстаю!

Аделя хотела что-то ответить, но подруга продолжала:

– Когда ты уехала и оставила этот ужасный город, я, по правде говоря, даже обиделась на тебя. Мне понадобилось много лет, чтобы понять, что там нечего ловить, а ты это сразу усекла. Знаешь, если честно, я ненавижу наш город, это захолустье с его грязными улицами и всяким сбродом. Я так рада, что вырвалась! В последнее время меня не покидало чувство, что я теряю там время, растрачивая себя, чего-то ожидая, на что-то надеясь. Там ведь совсем негде развернуться: все какие-то узколобые, держаться друг за друга, за какие-то традиции. А надо быть выше и шире! Ты меня понимаешь?

И Леночка принялась рассматривать часики на тонкой руке подруги, охая и ахая от восхищения. Аделина хотела что-то сказать, а потом взглянула напротив – туда, где только что сидела Елена Васильевна, и сама ахнула от неожиданности. Напротив нее теперь сидела она сама. Аделина заморгала глазами и фигура напротив сделала то же самое, а потом и вовсе стала двигаться сама по себе.

Вторая копия Аделины повернулась к Леночке, и та, будто не различая, с кем ведет беседу, стала говорить с ней.

– Скажи, а ты часто здесь обедаешь? – Часто. – А часто здесь видишь всяких знаменитостей? – Часто. – А ты любишь одеваться модно? Да кого я спрашиваю! Ты похожа на какую-то суперзвезду! А ты много путешествуешь? – Много...

И Лена прикусила губу, перестала спрашивать, удрученно опустила голову и надолго замолчала, рассматривая свои руки.

Вдруг глаза второй Аделины загорелись каким-то оранжевым пламенем, тем самым, которое подсвечивало глаза Елены Васильевны, и она заговорила каким-то грудным голосом непонятные заклинания, и Леночка, будто загипнотизированная, смотрела впереди себя и слушала, а потом стала отвечать, будто понимала:

– Я всегда знала, что ты везучая. Ты была самая красивая девочка в классе, тебе легко давались предметы, и даже то, что у тебя было трудное детство, ты обратила себе в плюс! Люди тебя жалели и любили... Это делало тебя какой-то благородной в их глазах. Но на самом деле, всего, что у тебя есть сейчас, Аделина, добилась не ты. Как ты могла добиться чего-либо, если

ты всегда была неуверенной в себе замарашкой и нищенкой? Если ты была никем! Просто тебе повезло! Повезло больше, чем мне. Вот и все! Но мне тоже обязательно повезет. Я смогу и стану благородной! И меня тоже будут любить!

Аделина ошалело смотрела то на внезапно ощерившуюся от злости бывшую одноклассницу, то на пылающую неясным огнем колдовскую копию себя и не могла вмешаться. Происходило нечто магическое.

Леночка все говорила и говорила, и каждое ее слово будто наносило ей пощечины, от чего лицо как-то некрасиво кривилось, покрываясь неестественными пятнами, на глазах теряя привлекательность, которой она обычно располагала к себе. И хотя язвительные слова были направлены на других, на деле оскорбляли ее саму. Аделина никогда не думала, что в голове у подруги кроются такие недостойные мысли, большинство из которых были абсурдны, злы и просто глупы.

Аделина хотела было остановить словесный поток Лены, ведь каждое ее слово прямо сейчас образовывало невидимые нити преград, которые сама себе пророчила Лена, глядя в Зеркало и видя там просто свое отражение. Но Леночка отмахнулась, вскочила и рассерженно выбежала из ресторана.

Адели рванула вслед за ней, но ее крепко схватили за руку. Обернувшись, девушка увидела Елену Васильевну с горящим густо-желтым пламенем в глазах.

– Оставь ее, здесь мы сделали, что смогли. С ней все будет хорошо, не беспокойся. Она непременно найдет кому сесть на шею и отыщет своего кавалера из талера. Впереди у нее много работы, а, как она заметила, везет действительно не всем, кому-то придется очень потрудиться, ведь часики стоят дорого, – и Елена Васильевна усадила растерянную Адели на место.

– Теперь ты видишь, дорогая, как это работает. И это очень благородная миссия проявлять истинные отражения людей, чтобы они не заблуждались на свой собственный счет и узнали, кто они есть на самом деле. Кто-то же должен был поставить ее на место! Кто-то же должен быть плохим! Но и к тебе это имеет прямое отношение. Если у твоей подруги впереди долгая и довольно интересная жизнь с преодолением своей мелочной завистливой натуры, от которой страдает только она сама, то Зеркало Отчаяния – опасная фигура, впавшая в безысходность или злобу, может натворить таких черных воронок, такой мрак вокруг себя создать, что уж точно запахнет кладбищем.

Аделина ошеломленно слушала и не могла поверить и понять, как она может все это сделать, если у нее нет и никогда не было таких намерений и желаний.

– Это твой выбор, дорогая. Во время становления Зеркало само решает, кем хочет быть: Зеркалом Отчаяния или Зеркалом Возможностей, Зеркалом Надежды или Зеркалом Веры.

– Но разве я хотела им стать? Разве меня кто-то спрашивал? – растерянно спрашивала девушка.

– Понимаешь, когда тебе шестнадцать лет, тут все как у всех. Все в новинку и все страшно, новые сверхвозможности скорее пугают, чем вселяют надежду, и от страха наделать всяких глупостей. Но потом, когда ты понимаешь правила игры, пробуешь это дар в жизни...

– Дар?! – неожиданно вскричала Аделина, – о каком даре вы говорите?! Да я чувствую себя чудовищем!

– Ну сейчас и проверим, – загадочно согласилась Елена Васильевна, и вдруг ее улыбка некрасиво поползла вниз, будто кто-то смазал уголки губ и растер их по лицу.

Аделина обескуражено уставилась на собеседницу, которая еще пару секунд назад была верхом изыска современной женщины, а сейчас стала превращаться во что-то несусветное.

– Какой ужас! – подумалось Аделине, и словно, в ответ на эту мысль, нос Елены Васильевны внезапно стал разбухать, увеличиваться в размерах, напоминая отвратительно огромный прыщ. Через какое-то мгновение этот кожаный прыщ достиг каких-то безумных размеров, стал плавиться и свисать с лица большими кожаными каплями, будто дьявольское тесто.

С телом тоже стали происходить какие-то метаморфозы, от чего фигуру Елены Васильевны странно качало и болтало в разные стороны.

Стильный костюм стал трещать по швам, пуговицы отрывались и со свистом разлетались по залу, камни и жемчуг из ожерелья нещадно рвались и сыпались карамельным дождем на пол.

Под конец, неожиданно из-под разрывающейся на глазах блузки на стол вывалилось какое-то отвратительное месиво цвета человеческой кожи, огромное и чудовищно подвижное, будто живое.

Аделина ахнула и инстинктивно отпрянула назад, закрывая лицо руками. Ее стул, не выдержав, треснул, и она упала назад. Следом повалился стол, попадала посуда и еще какие-то предметы.

Девушка в ужасе пыталась закрыться руками от падающих на нее вещей. Со страхом глянула туда, где пару секунд назад сидела Елена Васильевна. То, что предстало ее взору, не поддавалось никакому описанию.

Перед лежащей на полу среди осколков посуды и обломков мебели Аделиной, под самый потолок старого московского особняка высилась огромная гора человеческой массы, без каких-либо признаков настоящего трепещущее живое тесто, которое бурлило изнутри.

Аделина была не в силах пошевелиться, ее сковало от ужаса, мозг не находил подходящего определения увиденному, и, будто компьютерная программа, завис.

Розовая масса, похожая на растущее как на дрожжах тесто, стала видоизменяться, на нем стали проступать какие-то очертания, а уже через мгновение в верхней части обозначились какие-то формы. Вдруг что-то ухнуло и рыкнуло изнутри, и жуткий, нечеловеческий дьявольский голос сказал:

– Ты хотела знать кто ты?

Аделина боялась пошевелиться, стало понятно, что человеческая масса настроена весьма агрессивно.

– Ты – монстр! Ты – кошмар! Ты – ужас, приводящий в отчаяние человеческие существа! Ты влечешь смерть! —проговаривая, будто прожевывая каждое слово, изрыгнула масса.

Вдруг что-то действительно исторгнулось из нее, и обозначилось некое подобие рта, точнее то, из чего исходили нечеловеческие звуки.

– Люди искали в твоём отражении надежду, но своими страхами ты гасила их, будто свечные огарки, – Аделина присмотрелась ближе и увидела, что рот представляет собой не что иное, как скрещенные человеческие руки. Вдруг одна из них выпала и повисла, изображая из себя подобие носа. Человеческая рука-нос сделала отчаянный рывок, будто желая дотянуться до перепуганной девушки на полу. Аделина завизжала и почти потеряла сознание от страха.

За неимением возможности передвижения из-за отсутствия ног живая говорящая гора теста оставалась на месте, но ее просто сотрясало из стороны в сторону, будто большой пудинг-желе. Но трансформация не закончилась... Из многочисленных рук и ног, которые формировались на теле этого существа, масса стала превращаться в некую сущность.

– Почему Лена такая самоуверенная? Почему ей не страшны ужасные собаки, эти странные дома с огромными заборами? Откуда она знает, чего хочет? Где берет веру в себя и свою правоту? – кривилось своими руками-губами месиво из человеческих рук и ног, – Почему Аделина не знает чего хочет? Почему ей всегда страшно и больно, стыдно и неудобно, и даже порой, глядя в зеркало, она не уверена, видит ли она там свое отражение? – вдруг из общей массы, будто по команде, стали отделяться человеческие лысые головы. В одно мгновение они все развернулись к Аделине лицом Леночки.

От такой жути Аделина потеряла дыхание и, не веря глазам, попятилась – поползла назад, а десятки Леночек заговорили, будто кукольный хор:

– Ты виновата в наших несчастьях! Ты решила за нас, что хорошо, а что плохо! Ты виновата в наших несчастьях! Ты!

– Это не правда! – вдруг крикнула Аделина, сама не веря, что отвечает монстру.

– Ты должна была помочь нам, ты должна нам, – монотонно повторяло чудовище с головами Леночки, а руки-ноги отчаянно размахивали в разные стороны, надвигаясь на Аделину.

– Это неправда! Я только и делала, что помогала всем! – вскрикнула, будто от боли, девушка. От сильного возбуждения она встала на ноги, зажмурила глаза и стала что-то говорить себе под нос, а тем временем монстр-руки-ноги все ближе подплывал к ней.

Вокруг потемнело, казалось, что резко опустилась ночь, и еще не успели включить свет. По стенам пробежал какой-то неясный рокот, и все предметы, и мебель вокруг, что еще остались целыми, стали скрипеть и трещать, будто началось землетрясение. По стенам побежали трещины, ломая штукатурку и цветные узоры фресок, ссыпалась лепнина, даже воздух, казалось, наэлектризовался и стал ощутимым, готовым вот-вот испустить молнии.

Неизвестно о чем думала Аделина, сильно сжав кулаки и судорожно зажмурив глаза, но вдруг потолок пошел по швам, и сверху неожиданно отвалился огромный кусок, который почему-то вдруг стал осколком зеркала, вместо него в дыре сияло черное звездное небо. Этот огромный осколок сначала повис в воздухе, а потом с невероятной силой и свистом полетел вниз и вонзился между тонкой напряженной фигурой Аделины и отвратительным монстром, ограждая девушку от него.

Чудовище, таким образом, отразилось в этом осколке и, издав нечто похожее на стон, резко схлопнулось, растворившись в пространстве. Аделина еще минуту стояла в защитной стойке, готовясь к нападению, но, так как ничего не происходило, открыла глаза.

Картина была по-прежнему ужасная и нереальная: обломки стен комнаты и кавардак после чудовищного погрома отражались в зеркальном куполе, накрытом, будто в ресторане, большим серебряным плато с дырой наверху, в которую проглядывало высокое звездное небо с пролетающими кометами.

– Зеркало отчаяния – одно из самых сильных существ, обладающее невероятной мощью и разрушительностью, – сказала Елена Васильевна, поправляя прическу в зеркале, уложенную так же идеально, как и в начале встречи.

– Я не понимаю, – вот уже в который раз жалобно произнесла Адели.

– Ты – Зеркало, девочка. Ты – явственное живое магическое продолжение беспредельного Бога на земле, последняя надежда, последняя инстанция, последний шанс для кого-то, счастливый или несчастный случай! Кто ты – теперь будет зависеть от тебя.

– Почему вы не убили меня?

– Зеркало нельзя убить, ты же знаешь, дорогая.

– Кто это был, этот монстр? Это я? – со слезами спросила Адели.

– Да, дорогая, так выглядит твое отражение. Это то, до чего ты довела себя, а также благодаря всем этим несчастным, которые отражались в тебе. И этот ком отчаяния растет и движется вперед. Я не могу позволить ему больше продолжать расти. Я пришла остановить тебя.

– Я так устала, Елена Васильевна, – плаксиво сказала Аделина, закрывая лицо руками.

– Да ты присядь, дорогая, – участливо сказала Елена Васильевна и обняла молодую дрожащую собеседницу. От этих объятий, от этих теплых слов слезы прорвались наружу и полились таким потоком, что Аделина надолго повисла на плече у Елены Васильевны. Но Мудрое Зеркало не торопило девушку, лишь похлопывало по тонкому изможденному плечу.

Наконец, Аделина успокоилась, открыла глаза и с удивлением обнаружила, что вокруг все преобразилось, хаоса и ужаса, как после землетрясения, больше не было, будто кто-то волшебной метлой вымел весь беспорядок.

Аделина внимательно посмотрела на собеседницу в ожидании объяснений. Как раз в этот момент подошел или, точнее сказать, подплыл официант с полным подносом дымящихся яств и стал озиаться по сторонам, будто не видя сидящих за столом дам. Елена Васильевна провела рукой и слегка подтолкнула его к своему столику. Тот, как ни в чем не бывало, раскланялся и стал подавать заказанные щучьи головы и котлеты.

Когда он удалился, Аделина спросила:

– Если вы не хотели убить меня, тогда зачем все это было нужно? Как меня можно оставить?

– Ты кушай, кушай, дорогая, твоему молодому и, как я посмотрю, довольно сентиментальному организму нужно хорошо питаться.

– Цыгане убежали, потому что знали? – вдруг спросила девушка, не обращая внимания на шуточный тон и отвлекающие темы.

– Встреча двух Зеркал – это всегда битва с неминуемым исчезновением одного из них, – просто сказала Елена Васильевна, с большим аппетитом поедая жаркое. – Но, как ты уже смогла убедиться, Зеркало нельзя убить, лишь другое Зеркало может растворить его в пространстве, будто того и в помине не было. У нас это называют развоплотить. Эти «милые люди», издревле знакомые с разного рода чудесами, наверное, почувствовали опасность. В такую воронку затягивается все, что имеет силу Зеркал.

– Откуда вы все это знаете? – спросила Аделина, наконец надкусывая ватрушку с творогом и запивая неустанно дымящим горячим чаем, чудесным образом подогреваемый попеременно взглядами Елены и Аделины.

Елена Васильевна разрешила котлету по-пожарски и, задорно поддев, положила горячий кусочек себе в рот и тут же захохла от удовольствия, прикрывая от блаженства свои удивительно красивые глаза.

– Ты что сказок не читала? – спросила она вопросом на вопрос.

– Сказки? – опять непонимающе посмотрела на свою мудрую собеседницу Аделина.

– Ну конечно, а как ты думаешь можно оставить о себе хоть какую-то информацию, если тебя не существует? Сказки, рассказы, мифы разные.

– Я никогда не слышала, чтобы героями сказок были Зеркала.

– Ну конечно, напрямую имен и адресов там не называют, но надо же читать между строк.

– И что же там написано?

– Ну всякие Приключения Зеркал, – повествовала Елена Васильевна, с аппетитом прожевывая пищу.

– Белоснежка была Зеркалом? – с некоторым скептицизмом спросила Аделя.

– Все заколдованные, заговоренные, зачарованные и прочие и прочие героини.

– Героини? – вскинула брови Аделя. – Зеркала – женщины?

– Да! Конечно! А как ты думала?! Представляешь, чтобы было бы, если такой силой владела бы мужчины?! Да если оставить их одних без контроля, – страстно вещала Елена Васильевна, – они все превратят в драку, перестрелки, партизанские заговоры, политические разборки, одним словом, во всевозможные ужасы войны.

– И кто же придумал женщин-Зеркал? – отложила пустую тарелку и чай Аделина и придвинула щучьи головы.

– Ну, в принципе все придумал Бог, если тебя устроит такой ответ. А вообще, я думаю, нас придумали сами люди, ну или мы произошли от лучших их представителей.

Ведь мы являемся сущностью и смыслом человечества. Все самое плохое и хорошее отображается в Зеркале. Ну как половина этого прекрасного мира находится на светлой солнечной стороне планеты, так другая, ровно такая же половина из чистых негодяев погружена во тьму. Поэтому и был создан Чистый Слепой Случай, который выравнивает шансы правильной стороны.

Стоит только человеку или группе людей решиться на особый негодяйский поступок, убийство, подлость, а в масштабах планеты – рабство, геноцид, тотальный контроль или, что еще хуже, попытка взорвать землю к чертям. Бывали, я тебе скажу, и такие смельчаки! Поэтому Зеркало, будучи в сущности человеком, а чаще всего доброй милой девушкой, в страхе и в предчувствии опасности автоматически концентрирует силу желания на устранение угрозы и обидчиков. И тут проявляется естественное волшебство, женское начало гармонично уравновешивает ситуацию, например, ни с того ни с сего на самые злые головы случайно падают кирпичи с крыш.

Они могут обмануть других людей, себя, но Зеркало не обманешь.

Возможно, с этим связано, что Зеркала рождаются в сложных социальных условиях, всегда на них выпадают тяжелые судьбы, чтобы с детства, вкусив страданий, ощущать и понимать боль и жалеть страждущих. Золушка, Спящая Красавица, Белоснежка, – и Елена Васильевна задорно подмигнула Аделине.

– То, о чем вы рассказываете, слишком сложно для моего понимания. Я не могу себе представить, что влияю на мировой порядок, останавливаю или развязываю войны. Вы уж извините за недоверие, – сказала Аделина.

– Сколько тебе лет, дорогая?

– 35.

– Аделина, по меркам жизни Зеркала ты только что родилась и сказала свое первое «агу». И для Зеркала Отчаяния у тебя невероятная сила, причем абсолютно разрушительная. Я решилась с тобой встретиться еще и потому, что тебя надо было срочно остановить. Тут ведь вот какая история... Безусловно, это не ты развязываешь войны, но своей безысходностью провоцируешь людей на отчаянные поступки.

– Но весь мой опыт, уважаемая Елена Васильевна, только и подтверждал, что люди сами стремятся к причинению боли и поиску проблем. И лучшее, что я могу сделать, – никак не вмешиваться в этот порочный круг, чтобы не создавать им еще больше трудностей.

– Аделина, ты, будучи новорожденным Зеркалом, пришла к точно таким выводам, что и Великие Зеркала всех времен и народов, но разными путями. Ответ совершенно правильный, да только знак не верный. У тебя он отрицательный. Пойми же, что своим узким взглядом на жизнь людей, ты ограничиваешь себя и тем самым мир. Ты видишь его через призму страха, боли и отчаяния.

А мир прекрасен.

– А как же войны, катастрофы, убийства?! – обескураженно выпалила девушка.

– А еще смертельные вирусы, атаки инопланетных цивилизаций, оживление роботов, вырождение наций, – Елена Васильевна аккуратно вытерла рот льняной салфеткой и отложила приборы.

– Инопланетяне? Да вы надо мною смеетесь! – хохотнула впервые за обед Аделина.

Однако Елена Васильевна не смеялась и, повернувшись в зал, совершенно серьезно стала кого-то высматривать. А потом хлопнула в ладоши, и мироустройство ресторана уже во второй раз закрутилось и завертелось в обычном ритме: зазвенели вилки-ножи, раздался чей-то смех, и слышались бурные обсуждения на разных языках, а официанты с подносами забежали, словно заведенные солдатики. В конце концов Елена Васильевна перестала искать глазами и прямо уставилась на фигуру, сидящую за общим столом из шести человек у камина.

Аделина проследила за ее взглядом и не нашла ничего особенного в том человеке: мужчина средних лет, в пиджаке и галстук, довольно подтянутый, настолько обычный, что именно его было бы труднее всего выделить из всех сидящих за столиком. Но после всех этих превращений, чудес и ужасов девушка не могла не верить Елене Васильевне.

Будто мысленно подслушав их разговор, мужчина обернулся и посмотрел на обедающих дам. Ничего особенного – простой взгляд, но Аделину будто прошибло невидимой волной, она вздрогнула, и все ее тело покрылось мурашками.

Елена Васильевна что-то сказала, Адели не различила этот шепот, а гость ресторана все не отворачивался, будто прислушивался. И тут с ним стало что-то происходить: от него стало исходить какое-то сияние, на лбу, где секунду назад ничего не было, вдруг распахнулся еще один глаз. Именно распахнулся. Сначала он судорожно помаргивал, будто отходил ото сна, а потом очень уверенно сфокусировался на Аделине и Елене Васильевне. Девушка ошеломленно уставилась на третий глаз и единственное, что приходило ей на ум, что он чудесный, красивый и великолепный. Эта мысль крутилась в голове и успокаивала. Вдруг глаз стал увеличиваться в размерах, при этом как бы возвышаясь над фигурой мужчины, стал походить на голограмму, подсвеченную со всех сторон. Помаргивая пушистыми светящимися ресницами, сказал или точнее провещал совершенно отчетливо и ясно «Спасибо». И это спасибо было настолько красивым и чудесным для слуха, что дамы улыбнулись ему. Наступило умиротворение и какое-то благодушие.

– Во что ты еще не веришь, Аделина? – спросила Елена Васильевна, все еще глядя на Глаз-голограмму, который что-то продолжал вещать, но уже возвращался в свое обычное состояние на лбу среднестатистического мужчины в галстук.

– Заметила ли ты, Аделина, что первой твоей реакцией на Великолепный глаз были страх и беспокойство. Ты все еще Зеркало Отчаяния, все еще транслируешь вокруг страх, тем самым порождая отчаяние.

– Но как же мне переделаться? – недоуменно спросила девушка.

– Это очень просто сделать, дорогая. Перестань видеть вокруг плохое, сконцентрируйся только на хорошем, будто плохого просто не существует, а хорошее везде и повсюду. Сначала это придется делать как упражнение, но потом, когда войдет в привычку, увидишь мир другими глазами, и это будет по-настоящему Чудом!

Понимаете, тебя выбрал Бог, он подарил тебе часть своего величия и могущества, ты можешь создавать миры и реальности. Создай свое собственное королевство, свое зазеркалье! И все его жители будут жить по твоим правилам. Тебе нравится ходить на голове – в твоём мире все будет вверх тормашками. Тебе нравятся клоуны – ты станешь королевой цирка. Нравятся улыбки и радость вокруг – раскрась окружающую реальность, стань художником своей жизни, и все твои поданные будут одеты как на карнавал. Карнавал каждый день!

Елена Васильевна провела рукой по воздуху и вновьхватила из ниоткуда официанта.

– Уважаемый, принеси-ка нам из библиотеки сказки.

Аделина молчала, жадно следя за каждым движением Елены Васильевны. Ей вдруг стало так хорошо и тепло, как не было уже много-много лет, почему-то очень захотелось обнять свою собеседницу, положить свою голову на ее ароматную большую грудь и заснуть вечным сном.

Из ниоткуда вынырнул официант, неся в руках и поддерживая подбородком целую стопку из многообразных томов книг, на которых золотыми буквами были выведены великие имена сказочников всех времен и народов. Елена Васильевна кивнула ему на пол, и тот красивым столбиком сложил книги у ее ног и, будучи прилежным официантом, не уходил в ожидании еще просьб.

– И коньяк с сигарой «Ромео & Джульета», пер фаворе, – продекларировала Елена Васильевна с улыбкой, от обаяния которой бедный юноша совсем забыл о сервисе и этикете и, засмотревшись на красивую даму, не сразу побежал за заказом. Елена Васильевна по-женски рассмеялась этому робкому влюбленному взгляду и вновь обратилась к своей подопечной.

– Милая, вот проживешь триста лет и поймешь, что все это, – и она обвела вокруг своей красивой женственной рукой, – поистине глупости. Может быть, тебе даже откроются еще большие знания, чем предыдущим поколениям Зеркал. Ведь мы, как и люди, эволюционируем.

– Елена Васильевна, я не хочу быть Зеркалом, – грустно произнесла Аделина.

– Да ты не знаешь, о чем говоришь, милочка! Мы – волшебники! Мы – это золотые рыбки, волшебные палочки-выручалочки, шуки и царевны-лебеди. Ты сама не знаешь от чего отказываешься! – и она весело схватила верхнюю книгу с большой стопки, открыла на первой попавшейся странице и прочла:

Не волнуйся, всё будет в порядке.
К счастью, розы и сами растут,
Зайцы выполнят быстро все грядки,
А паркет нам медведи натрут.
Кошки кофе намелют, а белки
Стены выбелят, как маляры,
Барсуки перемоют тарелки,
Ну, а окна, помогут бобры.

И тут случилось неожиданное. Елена Васильевна вдруг задорно подскочила на стуле, будто ее кто-то уколол снизу, и в руках у нее оказалась палочка, точнее сказать, бенгальский огонек, от которого во все стороны стали сыпаться яркие искорки, но в отличие от обычного бенгальского огонька, этот не гас, а только разгорался у основания.

– Ну что, тряхнем стариной, девочка? – и Елена Васильевна стала махать бенгальским огоньком вокруг своей головы, потом вокруг стола, приговаривая:

В руки палочку возьму
Волшебство я призову,
Чудо в гости к нам придет,
В старину нас унесет.

Неожиданно воздух стал наполняться каким-то дымом с ароматом вишни и зеленого яблока. Аделина подумала, что все-таки это были странные бенгальские огни, и однозначно, это искры подпалили парчу, из которой был сшит прекрасный костюм Елены Васильевны. Аделине стало немного не по себе, с одной стороны, надо было бы вмешаться, с другой стороны, перед девушкой сидела настоящая волшебница, в силе которой она с ужасом убедилась всего лишь полчаса назад. К тому же, в этой магии, в этом «куполе незримости», как назвала его Елена Васильевна, Аделину не слушались ее мысли. Поэтому, боясь что-то испортить, она просто сидела и напряженно ждала, что же будет.

А дым рассеялся также быстро, как и возник. И Аделине даже пришлось отпрянуть и зажмурить глаза – перед ней, сверкая и переливаясь сотнями и тысячами блесков и пайеток, сидела настоящая Королева.

А вскоре, когда глаза попривыкли, Аделина поняла, кого напонила ей в этот момент ее собеседница – Фею из старой доброй сказки про Золушку, только с лицом Елены Васильевны, которая, казалось, побывала в черно-белом прошлом, и так оттуда и не вернулась. Аделина даже слегка потеряла глаза, но черно-белое изображение Елены Васильевны в костюме Феи не исчезало и не окрашивалось, даже искры бенгальского огня стали какими-то неяркими, словно искаженными старой пленкой.

Палочкой волшебной
В воздухе взмахнем
Волшебство появится

В сказку попадем! – опять стала водить зигзаги огнем Елена Васильевна и громко хохотать сама себе.

Аделина почувствовала движение по ногам и посмотрела под стол. Ее ноги обдало холодом, и на глазах обувь превратилась в хрустальные туфли невероятной красоты, будто соткан-

ные из хрустала, как у Золушки. От их блеска во все стороны побежали такие яркие лучики, подхваченные пробивающимся в высокие окна террасы ресторана солнцем, что пришлось прикрыть глаза. К слову сказать, хрустальные туфли были не из черно-белого кино, а наоборот. Казалось, туфельки специально были подсвечены изнутри волшебными разноцветными фонариками.

– Ты все еще не понимаешь, Аделина? Мы – Зеркала, мы не только отражаем то, что видим, слышим и чувствуем, как люди, но мы и создаем свои реальности. Хочешь быть Владычицей Морской – перед тобой откроются все моря и океаны! Хочешь быть Золушкой – получите ваши хрустальные туфельки! Ты можешь создать свой собственный мир, свою сказку. Просто ты не поняла правила игры. Ты испугалась, и твой страх вылился в мрачные краски отчаяния. Если хочешь помогать людям, раскрась свой мир в радужные цвета, и другие люди войдут в твою жизнь, даря тебе надежду и радость, а ты в свою очередь приумножишь их успехи.

Елена Васильевна взмахнула своей волшебной палочкой, и ее платье стало менять фасон, на глазах превращаясь в восточное. И уже через минуту на Аделину смотрела Шахерезада, мудрая и красивая, шелк скрывал смеющуюся Елену Васильевну, довольную удивлением и восхищением на лице своей новоиспеченной Золушки почти так же как настоящая Фея из сказки, превратившая тыкву в карету.

Это было не просто удивительно, это не укладывалось ни в какие законы физики!

– Кем ты хочешь стать? Новой Шахерезадой, Мэри Поппинс? А как насчет космических путешествий? Вакантно также место на Олимпе. Хочешь путешествовать во времени? Нет никаких границ, никаких преград для нас! Мы вне времени, вне пространства, вне законов! Ну, а если по душе всякие сентиментальности, может, напишешь свою сказку **НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЗЕРКАЛА**.

Аделина внимательно посмотрела на Елену Васильевну и ничего не ответила, боясь прервать этот волшебный миг, в котором пребывало Мудрое Зеркало, где отражались стремительно проносящимися кометами все эти сбыточные и несбыточные реальности. Аделина почувствовала, как она тоже улетает вместе с кометами в неизвестные галактики и миры.

Елена Васильевна увидела смущение на лице девушки и, приняв его за смятение, торжественно села на стул, заскрипев золотом шелка и парчи. Волшебница подняла бокал с коньяком для торжественного тоста, но Аделина осталась неподвижно сидеть на месте. Удивленно вскинув вверх свои восточные, словно турецкая луна, брови, Шахерезада продолжая держать на весу бокал с коньяком, отливающий своим необыкновенным цветом в ожидающих ответа глазах.

– Я не хочу быть Зеркалом, Елена Васильевна, – сказала просто Аделина.

– Но тебе понравится! – воскликнула женщина, шелк и парча слезали с нее шелухой и растворялись в воздухе.

– Но мне уже не нравится, Елена Васильевна.

– Дорогая, ну как же можно такое говорить не знаячи. Сначала надо книгу прочесть, а потом судить хорошая она или плохая, – и в сердцах Елена Васильевна залпом выпила остатки коньяка.

– Больше всего на свете я бы хотела обнять вас и заснуть в ваших теплых объятиях, больше никогда не просыпаясь, – огромные слезы потекли по бледному лицу грустно улыбающейся Аделины.

– Дорогая моя, все что хочешь, но только не это. Честно говоря, я пришла просить тебя о том же – заснуть вечным сном у тебя плече и сквозь сновидения видеть твои приключения, – и Елена Васильевна сама тихо заплакала.

– Но почему, если жизнь зеркала так чудесна? – растерялась Аделина такому повороту.

– Наша жизнь – игра, дорогая. Ничего нового. И мне наскучили эти правила игры, – старчески призналась помрачневшая дама.

– Как ты правильно сказала, мы не можем позволить себе иметь семью, даже Зеркало Возможностей представляет большую опасность для обычных людей. Я всегда хотела иметь одну дочь, а лучше трех. Но как ты сама понимаешь, для Зеркала это несбыточная мечта, – она подняла указательный палец вверх и грустно улыбнулась, – там свои правила игры. Кто-то же должен был остановить тебя – Зеркало Отчаяния.

Аделина не стала больше ничего говорить, только грустно опустила свои глаза.

Так молча и сидели они – чудеса закончились. А за окном менялась погода, набежали свинцовые тучи, и столицу накрыло проливным дождем. Терраса перестала блистать, превратившись за миг в обычную залу с большими окнами, где у столика на двоих тихо сидели две женщины; обе молчали, смахивая с лица тихие слезы.

Наконец Елена Васильевна прервала затянувшуюся паузу:

– Есть один вариант, – хмыкнула она носом и стала копаться в стопке книг.

– Вариант?

– Ну да, как можно стать человеком. Хорошим человеком, – послышался приятный голос из-под стола.

Аделина решила не переспрашивать, мало ли что это могло означать, лучше дождаться нормальных разъяснений.

– Зеркало, как ты знаешь, дорогая, убить невозможно, на каждое разбитое рождается десять новых. Даже в битве двух Зеркал сила одного переходит к другому, таким образом, накопленный опыт и знания продолжают жить. Но был один или два случая на моей памяти, когда Зеркало желало развоплотиться в человека, лишаясь волшебства и дара.

– И что для этого нужно сделать? – оживилась Аделина, чье сердце бешено забилося, будто в этот момент решалась ее судьба.

– Найти свою любовь, дорогая, – ответил приятный голос из-под стола. – Обычное дело.

Аделина тоже переместилась под стол, не в силах более сдерживать поток волнения и любопытства.

– Любовь?

– Ну, честное слово, ты как девочка! – в сердцах рассмеялась покрасневшая от длительного пребывания вниз головой Елена Васильевна.

– Сколько, ты сказала, тебе лет?

Наконец, ее царственная осанка распрямилась, а в руках она торжественно держала достаточно внушительный том сказок Ганса Христиана Андерсона.

Аделина не смогла сдержать тревоги, граничащей с паникой. А еще ее стало подташнивать после того, как в руках у Елены Васильевны, откуда ни возьмись, материализовалась огромная дымящая сигара и бокал новой порции коньяка.

– Пока дождешься, – извинительно бросила Волшебница в сторону кухни.

– Случаев развоплощения Зеркала не так много, но есть на свете смельчаки, – рассмеялось Мудрое Зеркало, – тебе всего-навсего нужно найти свою любовь, влюбить в себя, и дело сделано! Любовь, как известно, творит чудеса и спасает мир, вот и вас двоих спасет. Будете жить долго и счастливо и умрете в один день, как в сказке, – Елена Васильевна от души затянулась сигарой, от чего в воздухе завис такой клуб дыма, что ее лицо на миг опять скрылось в нем, а когда дым рассеялся, перед Аделиной сидела уже другая Елена Васильевна, из прошлого века, быть может даже и больше.

Ее голову, еще минуту назад уложенную в модную современную прическу, уже украшал огромный диковинный белый парик со страусиными перьями. Вместо парчового костюма на ней было уже другое одеяние; на белые женственные плечи была накинута тончайшая вязаная шаль с изумительным рисунком, нежно прикрывающая пышную грудь в нежно-голубом

шелковом корсете. Благородная грациозная Елена Васильевна преобразилась в молодую красивую женщину возраста Адели, так естественно предстала молодой хозяйкой этого старого московского особняка. От ее благородной красоты и особой утонченности трудно было отвести взгляд.

– Дорогая, в твоей жизни начинается новый этап – тебя ждет Большая Любовь. Каждая женщина в своей жизни обязательно должна ее испытать, – прозвучал приятный молодой голос Елены Васильевны.

– Как определить, что это именно та самая любовь, а не что-то другое? Это чувство не спутать ни с чем, дорогая.

Честно говоря, жизнь вынуждает и заставляет многих женщин терпеть и даже по-своему любить противного зануду, самовлюбленного эгоиста, скрягу или отъявленного негодяя. Впрочем, почему-то последних особенно тянет любить, – грустно рассмеялась аристократка, – но это все не то... Настоящее чувство, о котором я тебе рассказываю, меняет ход истории, делает двух людей лучше, красивее, добрее, благороднее. Истинная любовь двух сердец, созданных друг для друга, – это удивительное явление, побуждающее многих людей на подвиги, о которых потом пишут в книгах, – и она положила свою королевскую, украшенную нитями жемчуга и перстнями с мутными алмазами руку на тома сказок.

– Оно – единственное и неповторимое, его невозможно подделать. Возможно, поэтому его так легко отличить от всякой мишуры и подделок. Подвиг состоит в том, чтобы отважиться найти такую Любовь без страха увидеть свое истинное отражение в чужом лице, полюбить его и раствориться в нем.

Это единственный шанс. И если кто-то скажет тебе, что тысячу раз был влюблен или столько же влюблялись в него – не верь этим болтунам! Если б это было так просто, они бы не прозябали в своем болоте, в то время как другие становились героями удивительных приключений.

Я вижу, что, как бы я не старалась, мои уговоры и чары не действуют на тебя. Я вижу в тебе Силу, Аделина, которая могла бы сделать тебя Великим Зеркалом, способным повернуть историю человечества и Зазеркалья в новое русло, превратив этот век в Великолепный, Блестящий и Совершенный. Но и на старуху бывает проруха. Сделай то, что должна сделать! Сделай это за всех нас! – тепло и проникновенно улыбнулась аристократка, глаза которой на миг стали грустными и наполнились нечаянными слезами.

– Новые испытания, новые приключения, новые надежды, новые сказки сделают мир лучше, как это было во все времена.

– Почему вы так говорите? – растерянно спросила Аделина, почувствовав в словах Елены Васильевны какой-то надрыв.

– Не сомневайся! Бог вовсе не ошибся, милая, что выбрал именно тебя быть Зеркалом. Теперь я вижу это ясно. Все эти люди, которые отражались в твоём отчаянии, искали в твоих зеркалах горькую правду, мучительные утешения, не зря приходили в твою жизнь. Они сделали тебя невероятно сильной, но при этом ты осталась той же девочкой, той же чувствительной Золушкой, что и была. Не сомневайся, Аделина, ты – отличное Зеркало, честное и правдивое! Найди свою любовь, найди Фею! Расколдуй его!

– Фея? – недоверчиво заморгала Аделина.

– Какое было твое последнее желание, которое ты загадала на свой день рождения? – улыбнулась Елена Васильевна, вставая.

Аделина чуть помолчала и потом неуверенно произнесла:

– Я хотела, чтобы моя жизнь была похожа на сказку, – смущенно произнесла она.

– Правильно, деточка. Отражением Зеркала становятся необычные существа: феи, волшебники, джинны, в общем, заколдованные принцы всяких тридесятих королевств.

С Аделиной что-то стало происходить: она все так же видела перед собой молодую Елену Васильевну в прекрасном царственном наряде королевы мушкетеров, но внутри нее рождалось какое-то необычное ощущение, которое вырывалось из груди неудержимым смехом и весельем, от чего все вокруг ожило и заискрилось, и она не могла сдержать себя, хотелось прыгать и скакать.

Страусиные перья на великолепной прическе Елены Васильевны стали подрагивать и развеваться, будто легкий ветерок коснулся их, кружа под ритм неслышимой легкой мелодии.

Цветы на стенах наполнились красками, будто невидимый художник провел по ним кистью, а на концах вьющихся стеблей вдоль по стенам распустились настоящие розы. Аделина даже почувствовала их чудесный аромат. Повеяло какой-то весной и чем-то таким теплым и добрым, зовущим в далекое путешествие. Это ощущалось на языке, как-будто девушка лизнула сладкое мороженое, но она не могла определить его настоящий вкус.

– Это Любовь, Адели, слышишь? – и пальчики Елены Васильевны стали отбивать какой-то ритм.

Солнце выглянуло из-за туч и мощным потоком лучей ворвалось на террасу старого московского особняка.

– Слышишь? – спросила она.

– Пока нет, – сказала Аделина. Как вдруг откуда-то из-за угла вначале еле слышно, затем нарастая волной переливчатых перезвонов, в зал неудержимым потоком ворвалась волшебная музыка, завораживающая и притягивающая своим нежным и в то же время ярким звучанием.

Аделина изумленно взглянула на Елену Васильевну, а потом догадалась.

– Так видит и слышит мир Зеркало Возможностей? Так его видите Вы?

– Да, дорогая, мир, где есть место цветам, весне и любви.

– Но как я его узнаю? Где мне его искать? – вопрошала Аделина, подбегая к стенам и вдыхая аромат роз, прикасаясь к бутонам, не веря, что все это происходит на самом деле.

– Там, где сказка началась, там она и должна закончиться.

Заиграла громко музыка, удивительно чудесные мотивы заполнили весь зал, от чего с лепных потолков стали срываться маленькие скульптурки, на ходу расправляя крылья, отряхиваясь от пыли и алебаstra, превращаясь в ярких птичек невероятной красоты, которые начинали так громко чирикать и щебетать, что затмевали музыку.

Елена Васильевна продолжала что-то говорить, но Аделина уже не слышала. Зал словно ожил, краски, будто вырвавшись из невидимых тюбиков, смешались в пестрый ковер, оживляя все вокруг. Девушка просто не могла сосредоточиться, пораженно наблюдая за летающими ангелочками, которые хихикая и похрюкивая, швыряли друг в друга бутонами роз.

Аделина приблизилась к Елене Васильевне, чтобы лучше слышать ее. Из-за всех этих чудес и громкой музыки она потеряла нить разговора и, лишь читая по губам, могла с трудом различить что-либо из сказанного собеседницей.

– Если он полюбит тебя, чары рассеются, и свершится магия, – и Елена Васильевна положила одну руку Аделине на плечо, а другой взяла руку девушки и положила на плечо себе, внимательно глядя ей в глаза, Елена Васильевна сказала:

– Ничего не бойся.

Аделина посмотрела Зеркалу в глаза и поняла, что наступил миг прощания, и огромные слезы сожаления полились из ее глаз. Нежданно, в самый трудный момент своей жизни, найдя, возможно, единственного друга на земле, человека с большой буквы, она вынуждена будет с ним расстаться. Но эти несколько часов, проведенные в компании Великого и Благороднейшего из Зеркал, стояли дороже всех тех лет, отчаянно потраченных на бег от самой себя.

Глаза Елены Васильевны стали блекнуть, однако улыбка не сходила с ее красивого аристократического лица.

Было ли больно Зеркалу, растворяющемуся в воздухе? Никто не знает. Вообще никто ничего не знает о жизни Зеркал. Аделина посмотрела перед собой и впервые увидела, как выглядит настоящее Зеркало без масок. Это было невероятное зрелище!

Елена Васильевна, или как ее зовут по-настоящему, была права, что Зеркала – это лучшая часть человечества. Огромный сияющий столб невероятной чистоты – вот, во что превратилась удивительнейшая из женщин, сумевшая остановить трагическое шествие Зеркала Отчаяния, пожертвовав собой, растворилась в пространстве, и вместе с ее исчезновением стали блекнуть цветы и становится тише музыка, лишь нежные волшебные нотки продолжали свое звучание.

Птички все также кружили в воздухе, садясь на алые и желтые бутоны роз, живыми кустами сошедших со стен. Купол незримости, превратившись в радугу, застыл в воздухе прямо над залом, люди вновь задвигались в своем обычном ритме. Аделина стояла посередине солнечной террасы с томом сказок Андерсона в руках. Открыв книгу на первой попавшейся странице, она прочла: «Если его никто не полюбит, останется он навеки заколдованным принцем в обличье монстра». В уголках ее глаз блеснули слезы.

– Значит Фей, говорите! – сказала Аделина, захлопывая книгу и на ходу останавливая пробегающего мимо официанта.

– Эй, уважаемый, счет, пожалуйста, – улыбнулась девушка невольному свидетелю ее удивительных превращений

– Все ваши счета оплачены, сударыня, – услужливо произнес официант, засматриваясь на Аделину и лучезарно ей улыбаясь.

Глава 3. Волшебный город Фея. Сказка возвратилась туда, откуда она началась. И все становится на свои места

Возвращаться в родные пенаты было волнительно. Город за последние двадцать лет расцвел и так похорошел, что Аделина с трудом нашла улицу, на которой родилась и выросла. Когда-то она казалась ей мрачной и беспросветной дырой, утопленной в душистых кустах черемухи и сирени с ароматом неласкового детства, где должна была навеки остаться томиться ее светлая душа.

Но сейчас здесь все выглядело прекрасно, быть может, потому, что Зеркало Возможностей Аделины раскрашивало в чудесные радужные цвета в действительности неказистые улицы и дряхлые дома, все, куда бы не ступали ее ноги, на которых были хрустальные туфли – подарок Елена Васильевны.

Так видят мир дети или те, кто сумел сохранить свои «розовые очки» и вечно юное сердце, открытое для чудес и волшебства.

Аделина пошла туда, где началась ее сказка, ангелочки вплетали ей синие атласные ленточки в волосы, как в юности, и весна вернулась в ее сердце, которое весело подпрыгивало и напевало какую-то романтическую легкомысленную мелодию. Веточки сирени и душистой черемухи ласково касались проходящей мимо Адели, будто подружки невесты махали вслед белыми и сиреневыми платочками, провожая подругу в новую жизнь.

На месте когда-то самого темного и неприглядного частного сектора, располагавшегося на выселках и считавшегося захудалым районом, теперь громоздились и возвышались одна на другой гигантские башни-монстры, уходящие своими пиками вверх в облака, будто желая проткнуть ими небо. Своими конструкциями из стекла и бетона, они больше походили на заколдованный Изумрудный город, сверкающий издали начищенными до зеркального блеска этажами тонких прозрачных линз.

– Должно быть, архитектор в детстве был страстным поклонником Страны Оз, – с иронией подумала Адели, рассматривая оскалившихся горгулий и древние символы на крышах небоскребов.

Сейчас это место считалось самым престижным районом города, где каждый мечтал иметь собственное жилье или офис. Жители города старались приезжать сюда хотя бы на выходные.

Изумрудный город, так прозвала эти внушительные стеклянные башни Аделина, был окружен красивым парком с искусно стриженными кустарниками и деревьями в виде бегущих табунов диких лошадей, взлетающих стай лебедей, массивными живыми изгородями лабиринтов, которые по размеру и мастерству исполнения не уступали королевским, а парк скульптур и фонтанов восхищал своим размахом и живописностью.

Молодые парочки любовно пристраивались на резных скамейках у дивных поющих фонтанов, отовсюду слышался звонкий смех детей. Это было излюбленным местом отдыха, где жители могли совершать долгие спокойные прогулки.

Аделина присела на парковую скамейку с витыми чугунными лианами, как раз у небольшого фонтана в виде открытой книги, над которым от игры света и воды перевесилась чудесная маленькая радуга. Напротив этой сказочной картины раскинулась великолепная зеленая лужайка, на которой многим нравилось разбивать легкий пикник или просто посидеть и погреться на солнышке. Стеклянный ансамбль Изумрудного города был как на ладони с этой точки обозрения.

Вся эта живописная картина как нельзя лучше подходила под настроение девушки: солнце блестело, травка зеленела, хотелось снять туфли и побегать по пушистому газону.

Адели улыбалась, подставляясь ярким лучам весеннего солнышка, а потом, достав свои черные непрозрачные очки, посмотрела наверх. И от увиденного еще больше развеселилась и даже хохотнула. Дело в том, что там наверху никакого солнца не было. В этот первый весенний денек, как ни странно, шел снежок и было морозно, многие граждане уже жаловались на то, что март совсем забылся и думает, что он январь. Но только не здесь. Снег, как и в другой части города, падал, но сваливался на невидимый купол, как на большой прозрачный воздушный шарик, внутри которого висело яркое солнышко-лампа, освещающая и подогревая чудный парк с довольными людьми в легких платьях и костюмах, поющими фонтанами, радугами и хрустальным Изумрудным городом.

– Очень мне нравится! – восторженно произнесла Аделина и захлопала в ладоши. А потом ей вдруг захотелось, чтобы купол на миг рассеялся и немного белого снежка упало и освежило ее.

Однако мысль огненным шариком застряла на ее ладони. Девушка настойчиво подтолкнула его вверх, чтобы он пробил брешь в куполе, но шарик виновато посмотрел на хозяйку и не тронулся с места.

Аделина погладила его по головке, если она вообще была у маленького сгустка пылающей энергии.

– Купол незримости, да такой большой! – и она со значением присвистнула, – Нас тут очень ждали, малыш. Ну что ж не будем задерживать гостеприимных хозяев.

Уже желая подняться, Аделина хотела растворить шарик в воздухе за ненадобностью, как вдруг тот сказал тонким голоском:

– А можно я останусь?

– Зачем? – удивленно спросила девушка.

– Мне очень нравятся сказки, я хочу увидеть чем закончится твоя, – робко пропищал голосок.

Аделине показалось трогательным иметь друга, в особенности, такого, как этот премильный шарик, которому небезразлична ее судьба.

Девушка взяла его в обе ладони и подула на него, от чего шарик вскружился и стал переливаться всеми цветами радуги, а потом вдруг обратился в малюсенького мальчугана, размером с попугайчика, с такими же яркими крылышками. Его рыжие волосики были такими умильными, а выражение лица таким подкупающим, что Аделина, чуть не прослезившись, расцеловала малыша от всей души.

– Я назову тебя Кеша, ты не против? – тепло сказала волшебница.

– Это потому, что я похож на попугайчика? – кротко спросил мальчуган, похлопывая крылышками в радужных перышках.

– Ага, – добродушно кивнула Аделина. – Ну что, мой малыш, узнаем, какие приключения ждут нас впереди и чем закончится моя сказка?

– А тебе не страшно? – смущенно спросил Кеша свою хозяйку.

Аделина улыбнулась своему новому другу:

– Ну ты же будешь меня защищать?

– Я никогда тебя не оставлю, – очень серьезно заявил мальчик.

– Все будет хорошо, малыш, верь мне... – она посадила его к себе на плечо и в предвкушении чего-то удивительного, глядя на громадные стеклянные башни, на месте которых когда-то стоял дом, где она, шестнадцатилетняя девочка, открыла дверь в магический портал безграничных возможностей Зазеркалья, смело, с улыбкой на лице, пошла навстречу своей судьбе.

Глава 4. Неожиданная встреча с прошлым. Глава, в которой Зеркало Возможностей отражается в Зеркале Войны и восстанавливает справедливость

Аделина встала со скамейки и поправила свое весеннее платьице, в одно мгновение превратившееся в нежного цвета шелк, который окутал ее фигуру зеленым облаком и сам собой сел на талии, подвязавшись розовым пояском, а у нее оказалась белая атласная шляпа с огромными полями. Этот милый наряд был соткан из воспоминаний детства, и она почувствовала себя романтической героиней. Вот так прийти и настаивать на огромной и чистой любви было сверхнаглостью даже для волшебницы. Сердце волнительно трепетало в груди... Не каждый день ходишь на свидание с настоящим Феем.

И хотя ее переполняли надежды, но на секунду она стала очень серьезной и сосредоточенной. На одном из этих этажей ждал незнакомец, о котором она не знала ничего, но в этот самый момент он уже многое значил в ее жизни. От его решения зависела ее дальнейшая судьба. Аделина уже знала, что не желает жить тысячу лет, строить воздушные замки и сказочные королевства, спасать человечество и летать на другие планеты. Душа жаждала другой сказки. Может, кому-то покажется странным и даже глупым отказываться от всех сокровищ мира, от магических способностей и безграничной власти всего лишь ради такого чувства, как любовь между мужчиной и женщиной. Но впервые в жизни Адели знала, чего хочет, и, несмотря на множество неизвестных, эта вера и знание были ясными и шли от всего сердца. Елена Васильевна была права – такое не спутать ни с чем!

Больше всего на свете Адели хотела найти человека, которого смогла бы полюбить от всей души, подарить ему всю нежность, всю свою нерастратченную любовь, открыться и раствориться в этом чувстве и в ответ получить взаимность. Ей не нужно было ничего особенного, только обыкновенная человеческая любовь, семейное счастье с домом и детьми, прогулками и путешествиями, домашним заданием и домашними животными, с пышным новогодним столом и посиделками с верными друзьями и добрыми соседями.

Не зная, что или кто ожидает ее там, она пошла туда, куда звало ее сердце.

Огромный мраморный холл, холодный и камерный, с высоченными потолками и искусными мозаичными стеклами, похожий больше на мавзолей, открыл свои величественные стеклянные двери, и ее тонкая фигура в белой шляпе с большими полями влетела зеленым развивающимся облаком в его просторы.

Большой штат одинаковых охранников и каких-то служащих одновременно повернули головы в ее сторону.

Видимо, сюда заходили только те, кого здесь ожидали увидеть. Однако Адели необязательно даже было смотреть на них, чтобы, как по команде, перед ней услужливо открыли двери.

Аделина еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться. Честно говоря, вся эта игра в поиски Фея, заколдованного принца, ей жутко нравилась. Она чувствовала волшебство повсюду: плотными театральными портьерами оно было развешено на каждом углу, и стоило ей лишь дотронуться до них, как они торжественно раздвигались и пропускали ее вперед, словно Золушку, идущую на бал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.